

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

03 / 2023

2023

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО «ИПО «У Никитских ворот»

Издатель:
АНО «Редакция альманаха «Академия поэзии»

*Журнал издаётся при информационной
поддержке «Литературной газеты»*

Главный редактор:
Максим Замшев

Шеф-редактор:
Анна Баранова

Корректор:
Анна Соломатина

Дизайн-макет:
Андрей Дирижаблев

Компьютерная вёрстка,
оформление обложки:
Алина Симонова

Адрес редакции:
121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5, стр. 1, оф. 40.
Тел.: +7 (495) 690-67-19
info@acpoetry.ru

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2023
© Издательство «У Никитских ворот», 2023
© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-00170-798-1

9 785001 707981 >

ТЕМА НОМЕРА:

155 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ И ДРАМАТУРГА
МАКСИМА ГОРЬКОГО (1868–1936)

1

ПОЭЗИЯ

МАРГАРИТА АЗАРОВА

* * *

Шаман, взывая к духам,
В бубен ударяя,
Внимая ритму звуков,
Камланием в транс впадая,
В реальности особой –
Он в инобытии.
Невидимой дорогой,
В сакральном забытии,
Он впитывает знание,
Вселенную веков,
Магические тайны,
Снимая с них покров.
Избранник и посредник
Меж духов и людей,
Потусторонний странник,
Целитель душ и тел.
Прекрасным наваждением
Пронзается поэт,
Небесным откровением
Из слов слагает свет.

Азарова Маргарита Александровна. Строфы ветра записывает. Приняли в Союз писателей, потому что себе их приписывает. Иногда их поют, иногда читают... Даже дипломы вручают. Жаль, ветру дипломы не передать... Но можно ему, как и прежде, внимать.

Улыбки, слёзы мира
Проходят сквозь него –
Поэзия эфира,
Загадка, волшебство.
Поэт – избранник звёздный
Поэзии большой,
В камлание сердце-бубен
Не ведает покой...

* * *

Весна – дурман любовных соков,
Скользящих вдоль природных вен.
Клубок мечтаний и пороков,
Души и тайны меж колен.
Весна – волшебница нагая,
С земли откинув простыню,
Встречая жаворонков стаю,
Лелеет раннюю зарю.
Весна – берилловые косы
На доли нивы и леса
Раскинула. Брильянтов росы
Блестят – влюблённые глаза.

АНДРЕЙ ИВАНОВ

* * *

Есть в сердце кусочек и место надежде,
Пусть он там будет совсем небольшой,
Но в нём все раздумья и боли утешьте,
Сменив гнев на милость и взрыв на покой.

Пройдёт и минует нас страшная буря,
Сияющим будет опять небосклон.
От нежного света мы снова зажмурим
Глаза, позабыв всё бывшее, как сон.

Лишь вера, надежда всегда помогала
Идти к своей цели – вперёд и вперёд.
Конца нет у времени, как и начала,
Всё было, всё будет, и это пройдёт.

12.01.2023

Иванов Андрей Владимирович родился в 1978 году в Туле в семье военнослужащего. В 2002 году с отличием окончил МАИ. С 2021 года член ЛИТО «Ладога» (Лобня) имени Ю.В. Петрова. Автор поэтических сборников «Шаги» (2021; издательство «Экон-Информ») и «Путь» (2022; издательство «Экон-Информ»). Публиковался в альманахах «Чайки над Лобней» и «Дебют». Член Союза писателей России.

* * *

Спят зимой корабли на приколе,
Корпуса их затёрты во льдах.
Снятся сны им о ветре и воле,
Их качает на лёгких волнах.

За кормой от винтов бьётся пена,
И семь футов под килем у них,
И осадка, не знавшая крена,
На просторах российских речных.

Словно песня, для них крики чаек,
Разрезают форштевнем волну,
Проходя меж лесов и лужаек,
В навигацию видят страну.

И проверен механиком дизель,
Ведь во льдах корабли, как в плену.
Будут танцы и песни в круизе,
Только нужно дождаться весну.

12.03.2023

* * *

Душа сокрыта в нашем теле,
И от неё исходит свет.
Невидимый на самом деле,
Но есть он – это не секрет.

Чем больше в человеке солнца,
Тем аура его теплей.
И кажется, лучами льётся
На всех, приблизившихся к ней.

Мы это чувствуем невольно,
Стремимся к ним своей душой,
Когда нам грустно или больно,
Да и когда нам хорошо!

Делитесь! Не скупясь нисколько.
Горите! В деле и в быту.
Касаясь страждущих легонько,
Даря любовь и теплоту.

29.01.2023

* * *

Вот знакомая калитка
И часовня у ворот.
Убегает тропки нитка
Меж могил за поворот.

Стихла города шумиха,
Здесь не слышно громких слов.
На погосте очень тихо,
Только ветер меж крестов.

Шелестит венками робко,
Пластик трогая слегка,
Кое-где пустая стопка
Да остатки табака.

Имена и даты, фото,
Между цифр былая жизнь.
Сразу грустно отчего-то,
Ощущаешь весь трагизм.

Мысли приведёшь в порядок,
Обретя в душе покой.
И пойдёшь среди оградок,
Продолжая путь земной.

01.02.2023

* * *

Злобой мир сейчас расколот,
Потускнели голоса.
И набатом гулкий молот:
«Затяните пояса!»

Нагнетают страх с экранов,
Позабыт завет Христа.
Делают из нас болванов,
В голове лишь пустота.

Уберите этот морок,
Жизнь всё так же хороша.
И не нужно отговорок,
Воя, страхов, скулежа.

Поделись улыбкой с ближним,
Обними и обогрей.
Это не бывает лишним –
Доброта среди людей.

Поддержи хорошим словом,
Шуткой доброй насмеши.
Путь земной нам всем дарован
Для спасения души.

03.02.2023

ВИЛЕН ИВАНОВ

Поворот

Судьба ль нам это предсказала,
Или воскрес старинный грех,
Мы снова в мире капитала,
И это радует не всех.

Обращение к сверстнику

Нам оценить пора с тобой,
Как всё происходило с нами,
Как растеряли всё, что создано годами,
Похоронив под словом злым «застой».

Иванов Вилен Николаевич — советник РАН, член-корр. РАН, д. ф. н., профессор, член Союза писателей России. Автор более 500 научных и литературных публикаций (книг, брошюр, статей, сборников стихов). Имеет государственные и общественные награды. Лауреат научных и литературных премий. Почётный член Российского общества социологов (РОС). Почётный доктор наук Института социологии РАН. Почётный член Военно-научного общества при Центральном доме Российской Армии им. М.В. Фрунзе. Полковник в отставке.

* * *

На протяжении ряда лет,
Глядя на всё происходящее,
Я пробую найти ответ:
Когда Россия настоящая?

* * *

Век двадцать первый. Снова испытания,
И снова с Западом война.

* * *

Поверим в это, господа?
Другими, говорят, мы стали,
И потускнели, измельчали,
И не заметили когда.
Неужто правда, господа?

Я верю

А.А. Проханову

Всем ясно: велики потери,
Унижен бедностью народ,
Но Русская Весна придёт,
Победа русская грядёт.
Я вместе с Вами в это верю.

26 февраля 2023

Деструктивная идеология сегодня:
Русофобия и антисоветизм.

Озабоченность

Жизнь превратившее в досуг
В затеях громких и бездумных,
Чем станет поколение юных,
Айфон не выпустив из рук?

* * *

Есть о насущном тревожное знание,
Есть ли у юных желание знать?
Вы полагаете, это достойно внимания?
Я полагаю, что надо об этом писать.

* * *

Эпоха полумер и компромиссов
Приблизилась к бесславному концу.

* * *

Что впереди, никто не знает,
Но веря, что пойдут дела,
Желанье тут же возникает
С восторгом бить в колокола.

* * *

История нам это говорит:
Всё может измениться быстро.

АНАТОЛИЙ КОРОТКОВ

Белым снегом всю округу замело

Белым снегом, белым снегом
Всю округу замело.
Цвет земли смешался с небом,
Стало всё белым-бело.

Белые красавицы-берёзы
Обложил пушистый белый снег,
От красы не сдерживаю слёзы,
Благодать окутывает всех.

Коротков Анатолий Николаевич — член МГО СП России. Родился в селе Здвинск Новосибирской области 13 октября 1933 года. После окончания военного училища 26 лет отдал службе в рядах Советской армии. Уволился по болезни.

Окончил педагогический институт, математический факультет. Стихи начал писать после завершения трудовой деятельности и выхода на пенсию. Первые публикации — в журнале «Смена» (2002 г.).

Издal несколько сборников стихов и рассказов, а также книгу воспоминаний «Через две эпохи». Соавтор многих сборников, издаваемых МГО СП России и НП «Литературная республика».

Отмечен наградами Союза писателей России: дипломом «За верность русскому слову» с вручением медали «60 лет МГО Союза писателей России», дипломом литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С.А. Есенина с вручением одноимённого ордена; медалью «Родина-мать зовёт» — в честь 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Хочется природой наслаждаться,
По лесу с подругой погулять,
Песни петь, от радости смеяться
И любовью душу наполнять.

Всё затихло, словно в дивной сказке,
Даже смолкли скрипы от шагов.
Прокатить бы милую в салазках
Вдоль речных высоких берегов.

Эту радость нам даёт Природа
Всемогущей Родины-Руси,
С нею вместе силу и свободу
На века дано приобрести.

Велика страна моя Россия,
В ней что нужно, всё для жизни есть,
Чтобы милостыни больше не просила,
Рядом с гордостью пора поставить честь.

И тогда народы всей планеты
Будут нас любить и уважать,
Не посмеют зло держать в секрете
И стране великой угрожать.

Март 2023

Лесные чудеса

Солнце тучи разогнало,
Светит ласково с небес,
Ты гулять меня позвала
По тропинке в дивный лес.

Ухарь-филин очень древний
Там на дереве живёт
И ночами всей деревне
Спать спокойно не даёт.

Белки шустрые на соснах
В шишках зёрнышки грызут,
На развесистых берёзах
Все вороны гнёзда выют.

Лис пушистый и хвостатый
Зайца по лесу погнал,
А енот в шубе мохнатой
Всех синиц перепугал.

Несколько осин свалили
Острозубые бобры,
От коры их оголили
Как природные дары.

Жизнь лесная интересна,
Нужно тихо наблюдать,
Всем давным-давно известно,
Ей нельзя надоедать.

Хочешь лучше знать природу,
Посещай почаще лес,
Без оглядки на погоду,
Там насмотришься чудес.

Будет что своим потомкам
На досуге рассказать,
А пока бери котомку,
Детям есть что показать.

По делам твоим

Может, незаслуженно когда-то
Смог злодей тебя оговорить,
Не волнуйся, зло уйдёт обратно
На того, кто мог это творить.

Много в мире всевозможных сплетен,
Рассуждать способность всем дана,
Думай сам и ограничься этим,
Слухи всякие разносит Сатана.

Постарайся не обидеть человека,
О хорошем с ним поговори,
Тем, кто болен или же калека,
Дружбу и любовь свою дари.

Нам Господь дал полную свободу
Ремесло освоить и творить.
Если дело не пойдёт в угоду,
Можно всё с начала повторить.

В душу человеку вложены таланты,
Нужно их найти и развивать.
Есть художники, поэты, музыканты,
Им дано культуру создавать.

Каждому, кто не хотел трудиться,
Безрассудно жизнь свою прожил,
Бог зачтёт, ни в чём не усомнится
И воздаст за то, что заслужил.

Март 2023

АЛЕКСЕЙ МОНАСТЫРЬЮК

* * *

Ученик, озорник, зумер
Подошёл и сказал без затей:
«Здравствуйте, у меня папа умер,
Завтра девять дней».

Я знал отца, крепкий мужик,
Возраста со мной одного.
Как же, парень, ты будешь жить?
Родные мои, а вас на кого?

Обнял без слов, прижал к плечу,
Он уткнулся, гора с плеч.
Я думал, что детей учу,
А теперь не знаю, как их наречь.

Монастырюк Алексей Юрьевич – автор исторических текстов на сайтах Президента России и Патриарха Московского, а также книг «От сокола до орла» (очерки по истории Руси) и «Загадки и отгадки Кремля» (путеводитель по Московскому Кремлю).

Личный сайт: <http://alexmon.ru>. Канал в Яндекс.Дзен – «Окольная речь».

* * *

Волк-подлунник, ах, как хорош,
Кровь стынет, берёшься за нож.

Страшнее, когда стая волков,
Вздыблена шерсть, слюни с клыков.

Волк матёрый в капкане железном,
Сломаны зубы, жаль, бесполезно.

Он самый страшный, взглядом горящий,
Духом не сломлен волк настоящий.

Если же волк внутри человека,
Тот уже зверь, бездушный калека.

* * *

Скользнуло солнце в пляшущее море,
Обнажив тоску могучего утёса.
Судьбою он прикован на просторе
Ясным днём и в ночи черноволосой.

Волк голодный выйдет и завоюет,
То глас безмолвных одиноких скал.
Вуалью серой луну и звёзды скроет,
Чтоб утёс гранитный во всей красе восстал.

Как рыба плавать, летать как птица,
Как зверь лесной бегать по земле.
Лишь сон один ему веками снится,
А им – покой и вечность на его челе.

Разбойник

Вопрошаю и жду,
Небесный океан пылает закатом.
Я сеял и веял вражду.
Его за что распяли с распятым?

Разбойник и Бог:
Задыхаясь, сердца не протянут и дня.
Я не верил, не смог,
И Ты Божьего Сына умалил до меня.

Он уйдет – я за Ним,
В Его Царство, навеки прощённый,
А пока повесим
На этом кресте – Христом Богом крещённый.

Богоотцы

Однажды жертву отверг
Первосвященник в храме,
Но Божий свет не померк,
Ангел явился с дарами.

Прежде ждать перестали
Видавшие виды супруги,
Позднее их гнобили и гнали
Прочь из той округи.

Марией спаслись родители –
Дар Божий на склоне лет,
Той, что родит Спасителя,
Небесного Внука на свет.

ВАСИЛИЙ МУРЗИН

В стихотворениях Мурзина много природы, но их нельзя назвать пейзажными, это не абсолютная лирика – скорее, лирика социальная, а может быть, и экзистенциальная.

Роман Сенчин, писатель

Цикл «Времена года»

Сентябрь

Меня не учили в школе,
что утренник инея белее дыма,

Мурзин Василий Сергеевич — поэт. Родился 3 октября 1982 года в Москве. Постоянный автор «Литературной газеты». Лонг-листер Всероссийской литературной премии «Гипертекст» имени Александра Чаковского в номинации «Поэзия» (2023). Победитель конкурсов Московской городской организации Союза писателей России (МГО СПР) «Поэт XXI века» (премия им. Б.Л. Пастернака – 2022 за книгу «Остров»), альманаха «Литературная Республика 2022», «Стул № 13» (премия им. И. Ильфа и Е. Петрова в номинации «Поэзия»). Удостоен награды МГО СПР ордена «За вклад в литературу XXI века». Автор книг «Обнуление», «Остров». Участник коллективных сборников постоянных авторов «Литературной газеты» «15», «Приглашение в мастерскую», «Тайна вдохновения», «Вероятность счастья», «Точка отсчёта. Роман Сенчин представляет», многих коллективных сборников МГО СПР, в том числе Энциклопедии «Московская городская организация Союза писателей России... XXI век... Начало...». Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Независимая газета», «Литературные известия», в журналах «Москва», «Вторник», «Москва литературная», «Свет столицы». Номинант премии VII Международного конкурса имени Сергея Михалкова за лучшее художественное произведение для подростков.

что от печки исходит картофельный дух,
Как сияние от серафима.
Сентябрь – это лето-лайт,
Когда небо, увязшее по самое не могу,
Оставит не след,
а лайк.

Серо и тучно.
В грязи, как бегемот,
Копается грузовик,
керосинка трещит,
Душа истлевает,
как фитилёк.

Но в серой мякоти небес
Рождается не спеша
Спелая, как ягода,
Красная, как арбуз,
Бабьего лета душа.

И опять доска диктует вдохновению
Тему: «Как я провёл лето?»
И если душа – всё же арбуз,
То я должен расколоться,
и тем не менее
Излиться дождём,
Сгореть в листве,

Чтобы прогорклость стала данностью,
А я – золой,
Началом конца, конец лета,
Летящая птица,
Ставшая просто
памятью
Или землёй!

РОБЕРТ НИЖЕГОРОДЦЕВ

ЭТОТ СТРАННЫЙ ЯНВАРЬ

* * *

Я перестал писать стихи.
В душе соседствуют незримо
Следы минувшего экстрима –
Дуэт комбайна и сохи.

Пусть лес желаний поредел
И стал не слишком обитаем.
Всему на свете есть предел,
А где он – мы с тобой не знаем.

Мой сон застынет на бегу,
Тщетою призрачной оваян.
И проступают сквозь пургу
Фантомы сретенских кофеен.

Я сам сегодня ночью рад
Брести заиндевелым пляжем,
И если мы с простудой сляжем –
Господь не будет виноват.

Нижегородцев Роберт Михайлович – член Союза писателей России
(Московская городская организация).

И дерзкой радости исток
Уже не воскресит былого,
Где разум добр, а дух жесток,
И образ искренней, чем слово.

* * *

Этот странный январь начался в декабре,
В ярком свете лимонно-малиновых долек.
Разогреть волшебство на угасшем костре –
Так же трудно, как крестик помножить на нолик.

Не печалься и слёз понапрасну не трать:
Класть обиды в рюкзак пред дороною дальней –
Всё равно, что меж молотом и наковальней
Попытаться из кубика рубик собрать.

Поутру, отправляясь в заснеженный путь,
Ты понежишься в сладкой, дремотной истоме.
Отогрейся сперва в моём сердце чуть-чуть:
Это самая тёплая комната в доме.

Спокойно

*Спокойно, товарищ, спокойно.
У нас ещё всё впереди...*

Юрий Визбор

Спокойно, дружище, спокойно.
Свершается праведный суд.
Ни Хаймарс, ни курсы биткойна
Уже никого не спасут.
Мы сможем, дружище, мы сможем
Врагов истребить на корню:
Наш меч, что достали из ножен,
Пройдёт сквозь любую броню.

Вожди, вы меня не спросили,
Какой в этом прок и резон:
Зачем отрывать от России
Путивль, Александров, Херсон?
Спокойно, дружище: мы сами
Свой путь начертали во мгле,
Коль быть научились рабами
На собственной русской земле.

Идти по размытому следу
Тебе не впервой – ну и что ж?
Мы отдали нашу победу
Задаром, за ломаный грош.
Покорно внимая приказам,
Глотали мы пепел обид.
И всё, что утратили, разом
Теперь нам вернуть предстоит.

Спокойно, дружище, ты не был
Притворщиком или ханжой.
Глядел только в синее небо,
Как будто земле был чужой.
И наше священное право –
Услышать предсмертный их стон:
Гаага, Брюссель и Варшава,
И город-герой Вашингтон.

Спокойно, дружище, мы рядом.
Мы бьёмся, врага не щадя.
Пройдём мы победным парадом
По гулким чужим площадям.
Однажды, проехав полсвета,
Вернёшься ты цел-невредим...
И это, дружище, – победа,
Которой мы не отдадим.

* * *

Роль разрушителя иллюзий
Неблагодарна, но легка.
Не ощущать себя обузой,
Не ждать вечернего звонка,

Читать друзьям отрывки прозы
(Пусть не утешат – так поэзия),
И не предчувствовать угрозы,
Как волк от семерых козлят,

И любоваться звёзд палитрой,
Пока не расцветёт заря,
И отпускать грехи с поллитрой,
Тепло души своей даря,

И видеть на распутье камень –
Моей надежды монумент,
И надпись красными мазками:
 You've gotta stay
 Until
 THE END.

ИДАЛИЯ ШЕВЦОВА-УРСАТИЙ

Надежда

В морозы горку заливал,
в бураны – очищал её,
душою внука зазывал
он в холостяцкое жильё.
Декабрь проплыл, январь прошёл,
февраль с горы несётся –
вновь снега разгребаёт шёлк,
душою к внуку рвётся...
А внука не ведут ему
ни сношенька, ни сын,
и сердцу тяжко одному,
судьбы качаются весы:
налево – что же положить,
направо, чтоб уравновесить...
И с горкой залитой дружить
сам стал он внука вместо:
стемнеет чуть, он к ней спешит,
почистит и прокатится...
Так учится без внука жить,
на долюшку не каяться.

Идалия Шевцова-Урсатий (Шевцова Идия Фёдоровна) родилась в с. Завьялово Алтайского края. Публикуется в журналах, коллективных сборниках России и Зарубежья. Автор нескольких поэтических книг и прозы. Участница Дней славянской письменности и культуры в республике Молдова в 1997 году. Член СП Приднестровья, Международного сообщества писательских союзов, Союза писателей России, член-корр. «Академии поэзии».

* * *

Седая женщина, седая –
с Алтая женщина седая.
Да я, да я, да я – седая...
Но крашу волосы в тона
глубокой ночи, света дня.
Мои виски – черны, черны,
а надо лбом, что лён, видны,
но не цветущий лён, а в ткани...
Глаза черны, что у цыгана,
и брови смело подвожу,
и в шестьдесят с ума свожу
расслабленных душой мужчин –
пусть крутятся вокруг пружинно!
Седая женщина, седая:
во мне и день, и ночь Алтая!

На катере...

Поёт солистка у Днестра,
и по воде струится голос,
и сбрасывает ветер «Колос»
вниз по теченью, и пестра
воды покатая спина.
– Спи. На, – предложил друг
окрестье выпуклое рук:
к нему дрожа я привалилась...
Летит моторка, треплет волос...
Рычит на всю округу «Колос»,
солистки покрывая голос.
Меня ж волнует больше милый –
я нежусь на его руке.
Несётся побережье мимо
в горячем солнечном песке...

2

проза

АЛИСА БЕСКРОВНАЯ

История шестая. Пробуждение

Он проснулся в необъятной тьме. Над головой громко шуршали листья деревьев.

«Так холодно и мокро... Я в лесу?..» – были его первые мысли.

Он попытался подняться, но помешала ноющая боль в голове. Прикоснулся к затылку – рана отозвалась новой болью, а руки почувствовали что-то влажное. Жидкость на пальцах пахла металлом.

«Кто я? Что здесь делаю?»

Он понял, что совершенно ничего не помнит о себе: имя, внешность, возраст, откуда, чем занимается. Ничего. А главное – что с ним произошло. Почему он лежит на земле в лесу?

Чёрные тучи на небе потихоньку стали уходить, и сквозь них показалась луна. Лунный свет позволил немного ориентироваться в ночной темноте. Он осмотрел свою одежду. Всё было покрыто грязью, ботинки насквозь промокли. Посмотрев на свои руки, он увидел, что пальцы испачканы кровью. Становилось всё холоднее.

Бескровная Алиса родилась в 21 лунный день в год земного тигра.

С ранних лет Алису привлекала мистика, присутствующая во всех её произведениях, всё чаще и чаще переходя в ужасы. Поэтому неудивительно, что непревзойдённым наставником автора стал Эдгар Аллан По, к которому Бескровная обращается за помощью в своих творческих начинаниях. Главный урок, который она усвоила: в книгах не должно быть счастливого конца, так как сама жизнь редко заканчивается хеппи-эндом.

Немного погодя парень всё-таки встал, хотя голова кружилась, а рана на затылке как будто горела. Но нужно было идти. Здесь нельзя было оставаться. Собрав все силы, он, весь продрогший, пошёл по первой попавшейся дороге. С каждым шагом холод и боль усиливались, всё тело дрожало, а ноги еле передвигались. Несмотря на это, ему всё-таки удалось пройти большое расстояние и выбраться на открытую дорогу. Неподалёку он увидел светящуюся телефонную будку. Он подошёл к ней и дрожащими руками взял трубку. Послышались гудки.

«Нужна монета. Иначе я никуда не смогу позвонить», – дошло до него.

Он осмотрелся по сторонам, а потом проверил все карманы. В одном из них оказалось немного мелочи.

«Спасение! Однако...»

Кому звонить?

Он понял, что не помнит ни одного номера. Хотя нет... Какие-то цифры всё-таки сохранились в его голове. Правда, он не знал, кто это, но в надежде набрал заветный номер. Трубку взяли почти сразу же:

– Старший детектив Джонатан Рэндолл. Слушаю, – услышался твёрдый голос.

– ...

– Алло! Говорите, я слушаю.

– ...

Он повесил трубку.

Кто он? Почему помнит номер детектива? Может, работает вместе с ним? А может, преступник, который хотел в чём-то сознаться? Или на него напали, и он хотел позвонить в полицию? Версий было много, и все без ответа.

Он вышел из телефонной будки и пошёл дальше в неизвестном направлении. Дорогу освещали фонарные столбы, а вдалеке показались небольшие дома. Город. Но какой? Живёт ли он в этом городе? Или случайно оказался здесь?

На лавочке неподалёку он заметил лежащего человека и с надеждой подошёл к нему. Ему хотелось докоснуться до человека, услышать голос, вспомнить, как говорят люди. Понять, что он тоже человек. Парень на лавочке, проснувшись от шагов, вздрогнул. Потерявший память при свете фонаря смог рассмотреть незнакомца с лавочки повнимательней. Ему примерно больше двадцати, с тёмны-

ми, как смола, волосами и карими, почти чёрными, глазами. Одежда на нём казалась больше по размеру, мятая и поношенная.

Они неотрывно наблюдали друг за другом, как будто изучали. Тишину нарушил человек, потерявший память. Он быстро начал рассказывать о своём недавнем пробуждении, как будто боясь, что сейчас забудет и это. В ответ на его несвязные речи человек с лавочки грубо спросил:

– Бомж, что ли? Много выпил?

– Ну даже если бомж, что с того? Ты сам не сильно от него отличаешься. Одежда такая, будто по тебе трактор проехал. Спишь на лавке! Дома нет, что ли? – грубо ответил он. Почему-то вопрос незнакомца его сильно обидел. Хотя он не мог до конца понять, в чём заключалась причина.

Тот только усмехнулся и сказал:

– Дом у меня есть. Просто захотелось поспать, вот я и прилёг. Ничего не помнишь, говоришь? Ну благодари бога. Мне бы так.

– А ты что-то плохое сделал?

– Нет, но знаешь, иногда хочется забыть всё и начать жизнь с чистого листа... Имя-то хоть своё помнишь?

Человек без памяти сделал огромное усилие, но мозг был пустой. Ничего.

Он покачал головой.

– У тебя кровь на шее? А ну-ка повернись. Ого! В больницу надо. Нехило тебя по голове ударили.

Раненого накрыли мурашки по всему телу при слове «больница». Почему-то он очень туда не хотел. Почему? Может, он и вправду что-то сделал?

– Я не уверен, что хочу туда...

Незнакомец с лавочки долго смотрел на него, потом встал и неожиданно предложил пойти к нему. Такому порыву нельзя было не удивиться. С чего вдруг он предлагает человеку, которого совсем не знает, ночлег? Доброта? Личная выгода?

– Эй, ну что? Так и будешь стоять? – прокричал странный человек с лавочки, пройдя уже довольно большое расстояние.

Он понял, что идти ему некуда, и направился за незнакомцем.

Как только они зашли в город, его сердце забилось сильнее, а внутри зародилось беспокойство. А когда они переступили порог

многоквартирного дома, беспокойство превратилось в отвращение. Ему были непонятны все эти чувства и причины их возникновения. Был ли он здесь? Если был, то почему не может вспомнить? Ему ненавистен этот город? Что он сделал?

Они поднялись по каменным ступенькам и дошли до выцветшей кожаной двери. Внутри удручало всё: стены, потолок, мебель. А главное, что квартира была окрашена в серые тона и угнетала ещё больше. Он не понимал, как можно жить в подобном месте. Похож ли его дом на этот? Он попытался вспомнить, но ничего не получалось.

– Вон там ванная. Сейчас дам тебе одежду. Рост у нас одинаковый, так что тебе должно подойти.

Когда человек без памяти включил душ и почувствовал струи холодной воды, ему стало намного легче. Он смыл с себя кровь и грязь. Даже рана на затылке стала меньше болеть. Выйдя из ванной, он начал аккуратно вытираться и, обернувшись к зеркалу, обомлел. Он никого там не увидел. На него посмотрел размытый силуэт. Парень попытался вспомнить, как выглядит, но не смог. Отражения в зеркале не появилось. На него продолжала смотреть расплывчатая фигура незнакомца.

Живот скрючило от голода. Он понял – желудок пустует уже долгое время. Ему показалось, что завтра, отдохнув, он точно сможет увидеть своё отражение. С этими мыслями парень вышел на кухню. Незнакомец как раз заваривал чай. На его лице красовалась неприятная ухмылка.

– Как тебя зовут? – ему захотелось узнать хоть чьё-то имя. Понять, как звучат имена.

– Томас. А своё имя ты так и не вспомнил?

Он только пожал плечами. Однако у него проскользнуло воспоминание, что его имя тоже начинается на букву «т».

– Дай я посмотрю на твою рану. Хм, вроде не так всё плохо. Да и, помывшись, ты гораздо лучше выглядишь. Я тебе чай сделал. Ещё диван расстелил, можешь на нём спать.

Он жадно выпил чай, съел какие-то печенья на столе и пошёл к дивану в соседней комнате. Томас же зашёл в свою комнату и закрылся, не сказав больше ни слова. Он не придумал этому значения, так как ему показалось логичным, что человек не доверяет незнакомцу с улицы и поэтому запирается у себя в комнате. Когда он лёг на кровать, усталость дала о себе знать. Парень сразу же заснул.

На утро он вскочил с дивана, осознавая, что куда-то опаздывает. Но куда?..

Голова всё ещё болела, хотя уже не так сильно, как вчера. Он постучал в комнату Томаса, но тот не ответил, хотя за дверью слышались шаги. Потерявший память решил довериться своему чутью и пойти на улицу.

Когда он вышел, моросил мелкий дождик, серые тучи поглотили небо. Он медленно шёл по грязной дороге по городу. Спешить не было смысла, ведь он даже не осознавал, куда направляется. Ноги шли сами, они знали дорогу. Как будто каждый день преодолевали этот путь.

Дойдя до небольшого кирпичного здания, парень остановился и осмотрелся. На стене дома висела замысловатая вывеска: на круглой деревяшке были выгравированы название и змеевидное существо. Он не мог вспомнить, какой зверь изображён на вывеске, а по названию и приписке понял, что стоит возле антикварного магазина. На витрине красовалось множество неизвестных предметов. Возможно, когда-то они были ему знакомы.

Он долго не решался, но всё-таки зашёл внутрь. Колокольчик над дверью звонко зазвенел, отчего у него с новой силой заболела голова. На звон никто не откликнулся. Магазин был пуст.

«Зачем я сюда пришёл? Может, я украл что-то здесь?»

Он уже хотел выйти, как вдруг его любопытство привлекла маленькая картина в красивой серебряной рамке. В порыве чувств он сам не заметил, как взял её и стал внимательно рассматривать. Она была нарисована очень яркими красками, а главное, в центре огромным жёлтым пятном было изображено солнце, освещающее ростки пшеницы. Всё было в золотистых тонах, что навевало теплоту. Почему-то эта картина казалась ему знакомой. Где он мог её видеть?

– Добрый день.

Он громко вскрикнул и обернулся, картина выпала из рук. Возле него стояла девушка.

«Видимо, продавец или что-то в этом роде».

Он ждал криков или выговора за упавшую картину, но девушка спокойно подняла предмет и аккуратно положила на место.

– Простите... – только и смог выдавить он.

– Всё в порядке. Вам что-то нужно? – спокойно спросила она.

Девушка была ему как будто бы знакома. Длинные чёрные волосы, приятный голос. Голубые глаза смотрели сонно, будто она

находилась в другом мире. На лице совершенно нельзя было прочитать эмоций. Всё это время она молча ждала его ответа. У него закрались сомнения, что они знакомы. Но тогда она бы как-то на него отреагировала? Ведь так?

– Я... Просто зашёл посмотреть.

Девушка посмотрела по сторонам и тихо сказала:

– Лучше вам уйти отсюда.

– Что, простите?

Она посмотрела прямо ему в глаза:

– Уходи.

Внутри у него всё сжалось. Он не стал задавать вопросов и быстрым шагом направился к выходу.

* * *

– То есть она выгнала тебя из магазина? – спросил Томас, помешивая суп на плите.

– Да.

– Может, ты просто бросил её, и она на тебя обижается?

– Не знаю...

– А эта прогулка помогла тебе что-то вспомнить?

– Не уверен... По крайней мере, мне кажется, что я часто ходил к этому магазинчику... Может, работал там...

– И чем-то не угодил этой бедной девушке?

– Не могу вспомнить... Но я, скорее всего, её знаю.

– Хм, понимаю. Такое странное чувство, когда ты видишь человека и тебе он кажется знакомым... Но ты не можешь понять, кто это.

– Ты о чём?

– Когда-нибудь слышал о Дюппельгангере?

– Дюппе... что?

– В народе его ещё называют двойником.

– Без понятия. Я же память потерял. Мне это слово незнакомо.

– Дюппельгангер – это двойник человека, появляющийся как тёмная сторона личности. Двойник, зачастую, активно стремится поработить своего прототипа. Если ты столкнёшься с ним, то ваша встреча превратится в противостояние: обычно двойник становится сильнее, а оригинал, наоборот – слабее. Дюппельгангер будет изживать оригинал со света, чтобы занять его место. Ничего не напоминает?

Он отрицательно покачал головой. Эта информация была ему совершенно ни к чему, и парень не понимал, зачем Томас начал эту тему.

– А! Совсем забыл. У меня появилась идея, – вдруг начал Томас. – Давай звать тебя Тим?

Ему показалось, что такое имя больше похоже на кличку для собаки, но не стал возражать. Буквы в этом имени казались знакомыми.

С каждым днём Тим чувствовал слабость, однако в больницу идти боялся. Он до сих пор не знал, почему оказался в лесу с раной на голове и почему запомнил только номер детектива. Он боялся понести наказание за то, чего не помнит. Однако чувствовал, что перед ударом по голове случилось что-то ужасное. Но что именно? Почему остались ощущения, а воспоминания исчезли?

Единственный выход из ситуации – ещё раз пойти в антикварный магазин и расспросить ту девушку. Но стоило вспомнить её слова, и его тут же пробирала дрожь. Было в этом «уходи» что-то пугающее. Как будто она предупреждала его, хотела от чего-то уберечь.

Может быть, его страшная история как раз связана с магазином? Он ведь так отчётливо помнит дорогу к нему. Возможно, он что-то украл? Но у него в кармане не было ничего, кроме мелочи. Хотя... Он ведь мог где-то спрятать украденное. Это было бы логичнее всего.

Несколько дней Тим размышлял над сложившейся ситуацией. Всё это время он жил у Томаса. Тот за проживание просил только выполнять кое-какие поручения по дому или готовить еду. Сам Томас каждый день уходил рано и возвращался поздно вечером. Возможно, он где-то работал. Тим совсем ничего о нём не знал, да и не хотел задавать лишних вопросов. Почему-то ему казалось, что ответа не будет. Больше всего в этой ситуации была непонятна мотивация Томаса. Почему он позволяет какому-то проходимцу с улицы жить у него, оставляет одного в квартире, не боясь быть ограбленным?

«Томас очень странный. Может, он сумасшедший?» – каждый раз думал Тим, когда тот уходил из дома. И на такие раздумья у него были основания.

Во-первых, как уже было сказано, Томас приютил у себя дома незнакомца, которого сначала принял за бомжа, не отправляя его в больницу или полицейский участок. Во-вторых, он ничего о себе

не рассказывал, приходил вечером, ужинал, а затем закрывался у себя в комнате. В-третьих, Томас (Тим это чувствовал) поручал все домашние дела надменно, смотрел насмехаясь. Тим не понимал, почему Томас испытывал такое наслаждение, когда он на корячках моет полы или убирает со стола грязную посуду. Самое странное, что Томас не позволяет Тиму выходить на улицу и не рассказывает ничего о городе и его жителях. А ведь именно эта информация, возможно, помогла бы Тиму вспомнить своё прошлое. Он иногда всё-таки выходил ненадолго на улицу, хоть Томас и закрывал входную дверь и никаких ключей не оставлял. Однако возвращался обратно, боясь, что в квартиру кто-нибудь зайдёт или узнает его на улице.

Да. Он боялся, что его узнают.

Это было странно. Тим одновременно очень хотел узнать своё прошлое и в то же время ему было страшно встретить знакомого, который мог рассказать о его жизни. Эти противоречивые чувства пугали. Иногда Тиму казалось, что он проснётся и полностью потеряет себя. Он и так лишился памяти и имени. Но самое страшное для него было – полностью потеряться в пустоте. Стать ничем. А в этом доме, который больше похож на конуру, казалось, потеряться можно в любой момент. Страшное уже случилось – он до сих пор не видит своего отражения.

С такими мрачными мыслями Тим сидел, когда в квартиру вернулся Томас. Парень посмотрел в окно и понял, что уже давно настал вечер. Он даже не заметил, как стемнело.

– А почему ты ничего не убрал? Я, что ли, должен это делать? Насвинячил, значит, убирай, – послышался приказной тон Томаса. Тим вспомнил, что действительно ничего не убрал после готовки, так как слишком сильно погрузился в свои мысли.

– Да, прости, я сейчас уберу.

– И смотри, не урони ничего, как в прошлый раз!

Томас отчитывал его как маленького ребёнка, когда они столкнулись в коридоре. Высокомерный взгляд не сходил с лица Томаса ни на секунду. Тим не мог ему противостоять, ведь он буквально находится на содержании у Томаса.

Когда Томас зашёл в ванную, Тим придержал дверь, чтобы ещё раз извиниться. Но не смог проронить ни слова от ужаса. Он машинально посмотрел на зеркало и понял, что Томаса, как и его, там нет.

– Да закрой ты дверь!

Тим пришёл в себя только после того, как перед лицом громко захлопнулась деревянная дверь. В голове было слишком много вопросов.

Нормально ли то, что они оба не отражаются в зеркале? Что силуэты расплывчатые? Разве на стекле не должна появиться твоя точная копия? Они как будто оба были призраками.

После ванны Томас, как обычно, зашёл в свою комнату. Тим внимательно посмотрел ему вслед. Что-то здесь было не так, он чувствовал это.

– А, чёрт! – выкрикнул Томас, выбежав из комнаты. – Мне нужно кое-что купить. Я отойду на минуту. Ок?

Тим ничего не смог ответить, только медленно кивнул. Когда захлопнулась входная дверь, он сел на диван и задумался. Тим взглянул на дверь в комнату Томаса. Чутьё подсказывало, что все ответы могут быть там. Тим встал и попробовал открыть дверь. Она, естественно, была заперта.

«Возможно, стоит оставить всё как есть?..»

Однако что-то внутри сопротивлялось. Тим чувствовал, что должен понять, кто он. А все ответы были за запертой дверью.

Он толкнул дверь, но она не поддавалась. Тим толкнул ещё и ещё. От тряски голова заболела вновь, но он не останавливался. Ещё один удар, и – победа. Дверь распахнулась, и Тим чуть не упал.

В комнате царил тьма, окно было закрыто плотной шторой. Он судорожно начал искать выключатель. Зажёгся жёлтый неприятный свет, который очень отличался от оттенка в других комнатах. Внутри всё было минималистично, ничего лишнего. Выделялся только стол Томаса. На нём лежала куча бумаг и вырезок из газет. Тим подошёл ближе и быстро просмотрел заголовки и статьи. Попадалось очень много информации об исчезновениях, смертях и несчастных случаях, поразивших весь город.

«Зачем ему всё это?»

Среди огромного количества вырезок его внимание больше всех привлекла одна – где было лицо Томаса. Он дрожащими руками взял листок. В вырезке возле фотографии было написано всего пару строк: «Пропал мужчина. Томми Гаррисон, 22 года». Далее писали, что в полицию обратился хозяин антикварного магазина, где Томми работал продавцом, и в чём он был одет. Была описана та самая одежда, в которой он очнулся в лесу несколько дней назад.

«Но почему здесь его фотография?»

Ответить на этот вопрос можно только одним способом.

Тим выбежал из комнаты и подбежал к зеркалу в ванной. На него, как и всегда, смотрел размытый силуэт. Он потряс головой, протёр глаза, но всё равно не мог рассмотреть лицо.

– Чёрт возьми, кто я? Я хочу понять, хочу увидеть! Том, соберись!

Он вздрогнул.

«Том, соберись!» – эту фразу он часто говорил себе.

«Том... Значит, я и вправду Томми Гаррисон. Но кто тогда Томас?»

Внезапно раздался щелчок входной двери.

«Он вернулся».

– Кое-чего не было в магазине, придётся завтра ещё раз сходить. Ты что, до сих пор ничего не убрал? Я отсюда всё вижу! – Томас активно снимал ботинки, пока не заметил на себе неотрывный взгляд, и посмотрел в ответ. – Что у тебя с лицом?

– Мне тоже очень интересно, что у меня с лицом.

Томас обернулся и заметил, что дверь в его комнату открыта. Томми думал, что он начнёт ругаться или набросится на него, но тот только улыбнулся и с каким-то странным наслаждением в голосе произнёс:

– Понятно.

– Что тебе понятно?

– Было забавно использовать тебя как собачку. Но веселью всегда приходит конец.

Томми заглушил закипавшую злость и задал самый важный вопрос:

– Кто ты такой?

– Хочу задать тебе тот же вопрос.

– Я – Томми Гаррисон. А ты?

– Ха-ха, ну хорошо! А я – Томас Гаррисон.

– Мы близнецы?..

– В каком-то смысле.

– Я тебя не понимаю...

– Слушай, Томми, я тебе помочь хочу.

– Чем же?

– Хочу открыть тебе глаза на твою никчёмность. Мать твоя залетела, а аборт было делать слишком поздно. Она не знала, куда тебя деть, когда ты родился, поэтому просто забила на тебя. Так, никому ненужный, ты слонялся без дела всё своё детство, пытаешься хоть чем-то угодить своей мамаше, чтобы она обратила на тебя, несчастного,

внимание. Но её больше интересовали соседские мужики, чем собственный ребёнок. Твоя успеваемость в школе была хуже средней, ты даже в местный институт не смог поступить. Единственное место, куда ты смог устроиться, слоняясь в поисках работы по всему городу, был антикварный магазин. И то у хозяина на тебя были определённые планы, которые ты не смог оправдать. В итоге ты ему только всё испортил. Чуть не сорвал такой великий замысел! Я-то, наоборот, ему помогаю, в отличие от тебя. Вот и зачем так никчёмно жить? Предлагаю тебе сдаться и наконец-то помереть. Ты же ничего не можешь. Хотел стать героем, спасти жизни. И что в итоге? Смог только сбежать, когда тебя спалили, и удариться головой. Если бы ты не зашёл в мою комнату, то так бы и сидел на диване, держась за свою бесполезную голову.

– Я что-то узнал, да? И теперь ты хочешь меня отвлечь, чтобы я не рассказал полиции?

– Много чести. Мне было бы слишком лень. Да и ради чего?

– Ради денег! Тебе заплатили.

– Пф! Ты о себе слишком большого мнения.

– Тогда зачем ты устроил весь этот спектакль? Что тебе нужно?

– Ты, – его голос прозвучал настолько пронзительно, что у Томми на секунду заложило уши. – Твоя жизнь.

Томас резко встал и ударил Томми по голове, отчего его старая рана открылась и он упал на пол. Перед глазами мигали красные точки, а в ушах звенело. Томас готовился нанести новый удар, но Томми увернулся и, зажимая рукой затылок, побежал на кухню.

– Зачем ты сопротивляешься?

Томми судорожно искал, чем можно защититься. Он готовил здесь уже несколько дней и хорошо знал эту комнату. Томми схватил нож из ящика и принял оборонительную стойку.

– Слабак! У тебя не хватит сил убить меня! Сдавайся!

Томас с безумной улыбкой на лице набросился на Томми. Ему показалось, что время в этот момент остановилось. Он яростно поднял нож, в лицо брызнула тёплая и липкая красная жидкость, во рту почувствовался привкус металла. Томас с грохотом упал на пол перед ним. Томми в страхе выронил нож и нагнулся к телу.

– Ты дурак, Томми... Ты всё равно умрёшь, – прохрипел Томас, после чего его глаза остекленели.

Кровь начала растекаться по всему полу, Томми посмотрел на руки. Они были окрашены в устрашающий красный цвет. Он вско-

чил, побежал в ванную и начал смывать с себя противную красную слизь. Всё было красное. Томми посмотрел на себя в зеркало, чтобы проверить, нет ли где ещё крови, и застыл.

Он увидел себя. Нет, точнее, лицо с фотографии. Своё лицо, которое как две капли воды похоже на лицо Томаса.

Томми не помнил, сколько просидел в ванной. Возможно, несколько минут, а может, несколько часов. Он не мог понять, кто он и кто сейчас лежит на кухне.

В голове промелькнули воспоминания. Уже была подобная сцена: его руки уже держали нож, он бежал, но не убивать, а от кого-то. Кто-то преследовал его. Вспомнились поля, лес, удар, боль и небытие. «Антикварный магазин».

Он понял, что ему нужно именно туда. Ответы были в этом таинственном антикварном магазине.

Томми выбежал из квартиры, закрыв её на ключ, и побежал, ничего не видя перед собой. Он знал, куда бежать. Адреналин бил в голову. Это было чудо, что ему вообще удалось так быстро двигаться с такой дикой болью в голове. Перед глазами до сих пор плясали красные пятна.

Когда впереди показался магазин, он упал прямо на пороге, тяжело задыхаясь. Отдышавшись, Томми в отчаянье постучал, но никто не ответил. Дверь отличалась от двери в квартире. Поэтому вряд ли её можно будет выломать. Томми чувствовал, что нужно попасть туда именно *сейчас*. Он осмотрелся и нашёл возле соседнего магазина цветочный горшок. Схватив его, Томми со всей силой кинул его в окно антикварного магазина. Громкий звук разбившегося стекла раздался по всему району. Томми понял, что нужно действовать быстро, иначе его поймут. Красные пятна в глазах стали больше, он ничего не видел, пока пробирался через разбитое витринное окно. Однако всё равно больно порезал руку и с грохотом свалился на пол. Его крик нарушил мёртвую тишину в магазине. Боль в голове усиливалась, зубы дрожали, с шеи капала кровь.

«Безумие... Во всех моих действиях нет смысла. Мне сложно отличить правду от лжи, везде тупик».

Он с дрожью в ногах поднялся и судорожно стал что-то искать. Какая-то вещь в этом магазине должна была подсказать ему. Томми чувствовал это. И тут на стене, освещённой луной, Томми увидел висящую коллекцию ножей. На стене не хватало только одного.

Нож.

Томми вспомнил, что именно с этим ножом он бежал в поле, чтобы защищаться. Только от кого? Ему не удавалось вспомнить лица нападающего, но это точно был кто-то знакомый. Ещё он вспомнил, что нож он обронил по дороге в лес. Но ему не нужно было в лес. Он должен был прибежать к полям. В этих прогнивших заброшенных полях что-то было...

И тут он вспомнил.

Муфистория.

– Боже, ну конечно! Она же до сих пор там! До сих пор работает. Боже! Нужно скорее её отключить!

«Рин в тот день хотела предупредить меня! Бедная, несчастная девушка. Нужно скорее отключить эту дрянь!» – пронеслось в его голове, когда он в панике кинулся в сторону полей.

Добежав до одного из множества пустующих полей, Томми стал активно искать устройство. Оно точно было под землёй, и парень в очередном приступе безумия рыл сухую землю руками. Рана на руке болела всё больше и больше. К боли в голове и красным пятнам он уже привык.

Наконец-то после долгих мучительных копаний из-под земли показался золотой предмет округлой формы. Он напряг все оставшиеся силы и попытался достать прибор из земли. Томми понимал, что слишком слаб для этого, но времени не было. Не у кого было просить помощи, ему всё равно не поверят.

Вдруг Томми услышал звуки выстрела и почувствовал сильную боль в ноге. Всё тело задрожало, и он упал на грязную землю. С каждым вздохом становилось тяжелее дышать. Послышались шаги.

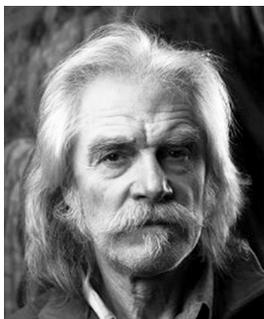
Томми поднял глаза. Над ним возвышался мужчина. Однако это был не Томас. В этих голубых глазах отражалось презрение, но никак не то холодное высокомерие.

– Опять всё те же ошибки. Столько проблем от тебя... – послышался знакомый голос. Томми слышал его много раз.

Но где, где?..

Он закрыл глаза. Это был конец. Нет смысла убегать от того, что не поддаётся человеческому разуму. Томас был прав – он всё равно умрёт, так ничего и не сделав.

Раздался ещё один выстрел. Последний.

СЕРГЕЙ БУСАХИН

Туристический сезон

Сегодня праздник Вознесение Господне. Валаамские жители приоделись и потянулись на праздничное богослужение в Спасо-Преображенский собор. Последовав за ними, я по пути забежал в магазин поинтересоваться, какие к сегодняшнему празднику завезли продукты. Ничего нового не заметил: всё те же консервы, перловка с пшеном и серые толстые макароны. У прилавка стоял жизнерадостный молодой монах и, улыбаясь, балагурил с продавщицей, набивая объёмную сумку бутылками кагора и безалкогольного пива. Средний возраст монашеской братии – тридцать лет. Ребята, можно сказать, молодые, видно, ещё не совсем отошли от мирских соблазнов и телесное пока напоминает о себе. Выйдя наружу, я поспешил на праздничную литургию...

«Вера в Бога не требует доказательств. Всё это как-то внутренне ощущаешь, словно это ещё одна жизненно важная функция в организме. Уничтожь её, и постепенно превратишься в раненого дикого зверя, духовного инвалида, и вся твоя дальнейшая жизнь будет обречена на сумеречное прозябание, наполненное заблуждениями

Бусахин Сергей Васильевич родился и живёт в Москве. После службы в армии работал в научно-исследовательском институте (ВНИРО), где регулярно участвовал в многомесячных экспедициях по Мировому океану. С 1984 по 1989 годы учился в ЗНУИ на отделении станковой живописи и графики. С 1990 года состоит в Творческом союзе художников России и Международной федерации художников. С 1985 по 2007 годы каждое лето ездил на остров Валаам, где писал этюды и картины, а также работал экскурсоводом. В настоящее время занимается живописью.

и непониманием своего существования на Земле...» – так думал я, возвращаясь в Воскресенский скит.

Я иду по Монастырской дороге под зонтом и пытаюсь почувствовать движение жизни – этот неукротимый и непрерывный поток времени, представляя себя маленькой букашкой, когда-то угодившей в эту бесконечную вселенскую круговерть, но все мои жалкие попытки, как всегда, обречены на провал. Я не особенно переживаю по этому поводу: любовь к красоте окружающей меня Природы отвлекает и завораживает, рождая желание непременно запечатлеть Её в своих картинах и, может быть, таким образом вычленив мельчайший элемент этого таинственного процесса под названием ЖИЗНЬ... Тяжёлые резиновые сапоги сдерживают мой шаг. Дождь барабанит по зонту, заглушая все другие мировые звуки. Слева на лугу пасутся лоси. Видят меня и не убегают. Три убитых собаки лежат недалеко от обочины дороги, распространяя ужасное зловоние разлагающейся плоти. Их застрелили охотники ещё прошлой осенью. После окончания туристического сезона на Валааме вместе с лосями отстреливают и бездомных собак. А кому их кормить? Здесь живёт одна беднота. Монахи почему-то собак не любят и гонят с монастырской территории. Вот и отстреливают их охотники, чтобы за зиму не одичали и не сбились в стаю – тогда они опасны.

Только я поднялся к себе на чердак с намерением немного отдохнуть, надеясь, что весенний дождь скоро закончится и я смогу отправиться на этюды, как вдруг за дверью послышался голос Вероники. Она у нас распределяет экскурсии. Вероника громко выкрикивала моё имя. Света сегодня на острове не было, и в коридоре стояла непроницаемая темнота. Вероника ничего не видела, и в её голосе слышались испуг и тревога. Я понял, что сегодня этюды мне не светят, и открыл дверь. В темноте коридора, словно приведение, стояла испуганная Вероника и с ужасом смотрела в темноту. Она всегда помнила, что здесь когда-то жил злодей Харлашкин, который убивал собак, а потом с аппетитом поедал их именно на этом чердаке. Увидев меня, Вероника успокоилась и радостно сообщила:

– Сейчас звонил отец Макарий. К нему приехали гости. Их Базыкин на вертолёте привёз. Он просил дать ему экскурсовода. Ты один у нас во второй половине дня свободен. Так что придётся тебе его гостей развлекать.

– Хорошо, – обречённо вздохнул я, – во сколько он просил там быть?

– Автобус поедет в усадьбу в час дня. – Вероника смотрит в блокнот. – Значит, у него в архондарике будешь через пятнадцать минут... Начало экскурсии планируется в половине второго. Так что иди сейчас в трапезную – вполне успеешь пообедать.

Ровно в половине второго я вошёл в архондарик, который находился в подвальном помещении внешнего келейного корпуса монастыря, справа от Святых ворот, и едва освещался рядом подвальных окон. В полутьме отец Макарий, ласково улыбаясь, раздавал гостям чётки.

– Берите, берите – это посильнее атомного оружия, – ещё более расплываясь в блаженной улыбке, вкрадчиво говорил отец Макарий.

Гости тоже блаженно улыбались и, кивая головами, шустро разбирали «необыкновенное оружие».

Подойдя к отцу Макарию и получив от него благословение и чётки в придачу, я поинтересовался у него, когда начнётся экскурсия.

– Гости решили сначала потрапезничать, а уж потом – культурная часть. Не хотите ли, Сергей, к ним присоединиться? – ласково спросил он.

Я отказался, сославшись на недавний обед в Воскресенском скиту.

– Ну, раз так, то придётся вам подождать минут сорок. Вы уж, Сергей, никуда не отлучайтесь.

– Не беспокойтесь, отец Макарий, я тут посижу.

Света в архондарике тоже не было, и когда возбуждённые гости вместе с батюшкой зашли в трапезную, дверь за ними закрылась и в коридоре наступила почти полная темнота. Я сел в ближайшее плюшевое кресло и закрыл глаза. Из сумрачной глубины коридора доносился смех, звон бокалов и весёлые выкрики. Тосты звучали один за другим, и, судя по всему, «культурная программа» задержится на неопределённое время. Прошло минут пятнадцать. Вдруг открылась входная дверь, и в темноту по ступеням спустился маленький взлохмаченный мужичок с носом-картошкой и рюкзаком за плечами. Молча сел рядом и затаился.

Так мы просидели молча минут десять. Мимо проносились какие-то тени в чёрных длинных одеяниях, не обращая на мужичка никакого внимания. Внезапно одна из теней остановилась перед ним и елеиным женским голосом спросила:

– Что же вы не пошли кушать вместе со всеми?

– Видите ли, – нервно шаркнул ногой мужичок, – у вас тут такая тьма образовалась, что я всё перепутал и угодил в другую трапезную.

Я в темноте, как назло, всегда плохо ориентируюсь и сразу забываю, в каком направлении мне надо двигаться.

– Так вы, наверное, умудрились проникнуть в паломническую трапезную, – сочувственно проворковала тень.

– Да в том-то и дело, что в паломническую, – с трагедией в голосе захныкал заблудившийся и, прислушавшись к шумному застолью, обиженно шмыгнул своей картошкой.

– Ну ничего, не переживайте, я вам сейчас сока принесу, – напуганная обиженным шмыганьем мужичка, пролепетала тень и скрылась в темноте.

Вскоре она вернулась с литровым пакетом томатного сока и двумя пластиковыми стаканчиками.

– Вы тоже попейте сока, – обратилась она ко мне, протягивая стаканчик.

Мой недотёпа-сосед тут же налил полный стакан и, ёкая кадыком, жадно выпил. В темноте эти звуки особенно хорошо прослушивались. Выпив, громко крикнул, словно опорожнил стакан водки, утёрся рукавом и ещё более обиженно шмыгнул картошкой, что привело тень в полное смятение.

– А вы всё-таки идите к ним, – окончательно перепугалась она. – Может, они вам обрадуются.

Вздохмаченный мужичок, словно только и ждал этого, молча встал и ушёл на голоса.

Когда экскурсия заканчивалась и мы на монастырской «газели» ехали к теплоходу, гости, значительно подогретые алкоголем, неожиданно попросили водителя, не доезжая пристани, свернуть к часовне Всех Скорбящих Радость. Остановившись у часовни, гости вышли из машины и тут же выпили за здоровье отца Макария, после чего мордастый парень, похожий на Гришку Отрепьева, гримасничая и хихикая, обратился к нему:

– А мы вам, отец Макарий, сюрприз приготовили. Посмотрите туда.

Тот удивлённо посмотрел в указанном направлении, но ничего не увидел.

– Ну, как же вы не видите? Он же на вас смотрит – на барже! Это вам подарок от нас! Гы-гы-гы! – засмеялся Гришка Отрепьев. – Видите, какой красавец!

На барже-самоходке, на которую указывал развеселившийся Гришка, сиял своей новизной внедорожник Ульяновского автомо-

бильного завода. Весельчак так радовался, словно это ему подарок сделали. В это время от группы гостей отделилась женщина с бутылкой вина и, пошатываясь, подойдя к внедорожнику, принялась усердно поливать его колёса вином, причмокивая от удовольствия. После этой странной процедуры гости дружно заплодировали и принялись выпивать, обмывать, так сказать, подарок.

Отец Макарий, горячо поблагодарив гостей, забрался во внедорожник и, лихо выехав с баржи, под радостные возгласы гостей сделал на нём несколько кругов. Одновременно с этим Гришка Отрепьев, то и дело тыкая меня в бок, приговаривал:

– Ну что за человек отец Макарий! Гы-гы-гы! Как ребёнок, радуется игрушке!

Вечером, вернувшись в Воскресенский скит и поднявшись к себе на чердак, выпил кофе и открыл тетрадь – она всегда лежит у меня на столе. В неё я пишу очередное стихотворение или веду дневник, записывая самые интересные события прожитого дня. Мне это необходимо, словно лекарство принимаю, которое лечит меня и не позволяет впасть в уныние. Это держит меня на плаву в этом стремительном потоке времени. Частицы моей души навсегда остаются в нём, и когда мне становится невмоготу, я смотрюсь в них, как в зеркала, в них проступают контуры моей сущности, которую я и сам-то до сих пор не знаю... Я подхожу к треснутому окну и вижу, как краснеет на закате сосна, как постепенно темнеет лес и сумрак окутывает остров. Смолкают птицы, и даже неутомный дятел прекращает свою сокрушительную деятельность.

Утром я снова оказался в архондарике отца Макария. В этот раз он встречал украинских священнослужителей, которых возглавлял епископ Ипполит. Все высокие, дородные, а уж что касается епископа, то он всех своих спутников превосходил и ростом, и дородностью, а также обладал громоподобным голосом и читал молитвы так громко, что порой мне хотелось зажать уши. Когда мы вошли в Никольскую церковь, что возвышается на одноимённом острове при входе в Монастырскую бухту, владыка сразу же проорал молитву «Отче наш» с такой грохочущей оглушительностью, что от неожиданности и испуга у ветхого от старости смотрителя церкви монаха Авенира подкосились ноги, и, мелко крестясь, твердя «Господи, помилуй...», он вынужден был сесть на лавку.

В Воскресенском скиту епископа встретил хор певчих под руководством регента Миши Розанова. Чудесные голоса зазвучали под сво-

дами Воскресенской церкви, а как только песнопения закончились, епископ тут же, для примера, прогрохотал молитву, после чего принялся учить певчих, имевших консерваторское образование и певших уже не один год на службах в монастыре, правильному пению. Миша только смущённо улыбался, поддакивал и кивал головой. Довольный наставлениями, епископ Ипполит спустился в нижний пещерный храм, освящённый во имя Андрея Первозванного, где его свита, закатив глаза от удовольствия, принялась свирепо подтягивать своему владыке... Помолившись они вошли в предел Ангела. Здесь было совсем темно. Я включил фонарик, и один из священников со сладким выражением на лице тут же выхватил его у меня и, подобострастно изогнувшись, стал светить владыке и уговаривать его непременно пролезть сквозь небольшой квадратный проход в Кувуклию к Гробу Господню. Однако габариты епископа были настолько велики, что все его попытки протиснуться в Кувуклию оказались безуспешными. В конце концов, обидевшись на священника с фонарём, он развернулся и направился к выходу, поворачивая своё грузное тело то налево, то направо, осеняя крестным знаменем пустой пещерный храм.

На следующий день я был свободен от экскурсий и решил пойти на этюды к Коневским озёрам. Пройдя с полкилометра по Монастырской дороге и перейдя по небольшому мостику через ручей, впадающий в Малую Никоновскую бухту, я оказался на территории Гефсиманского скита, основанного в начале двадцатого века. Все его постройки были выложены из брёвен и выкрашены в жёлтый цвет: Успенская церковь с шестью голубыми главками, за ней корпус начальствующего монаха, слева от него братские кельи и небольшой фруктовый сад. Напротив скита, справа от дороги – часовня с резной иконой Моление о Чаше. Сейчас в скиту обитал только один монах Автоном – всегда мрачный и неразговорчивый.

За апсидой Успенской церкви дорога поднималась на гору Елеон, взметнувшуюся на несколько десятков метров отвесной стеной над Малой Никоновской бухтой. На её вершине я прошёл мимо деревянной пятиглавой часовни, освящённой так же, как и скит, в начале двадцатого века – во имя Вознесения Господня. Далее дорога устремлялась вниз и скрывалась в лесной чаще, где, попетляв в сумрачной тени, заканчивалась у Коневских озёр. Перейдя узкий деревянный мостик, притулившийся к отвесной скале, остановился около пустыньки, в которой когда-то находилась келья отшельника Дамаскина. Здесь

он прожил в уединении несколько лет, после чего был произведён в игумены Валаамского монастыря, и по его приказу на берегу этих озёр в XIX веке построили скит во имя иконы Коневской Божьей Матери. В советское время он был разрушен и только недавно отстроен заново. Сейчас скит пуст и одиноко белеет среди столетних лиственниц и дубов. Пройдёт несколько лет, брёвна потемнеют, а сверкающие на солнце медные главки церкви покроются коричневой патиной.

Передо мной гладь озера и лес. Тишина. Иногда только прокричит беспокойная чайка или испуганная рыба плеснёт хвостом, спасаясь от безжалостной щуки. Я начинаю писать этуод, и моя душа растворяется в Мировой гармонии, словно я органическая часть всего того, что меня окружает: леса, воды, неба – всё это каким-то чудом оказывается во мне, а я в этой божественной красоте... Я часто прихожу сюда, и не только потому, что это место очень живописное, но и потому, что постоянно испытываю здесь необычайную душевную лёгкость и восторг.

...Он упал мешком с полутораметровой высоты в заросли папоротника, и наступила тишина. До падения он шёл рядом и, будучи в изрядном подпитии, без остановки бубнил мне в ухо, настойчиво пытаюсь что-то объяснить. Я ровным счётом ничего не понимал из его бормотания, кроме одной фразы, которую он, дыша мне в ухо крепким перегаром, произносил более-менее членораздельно: «Правильно я говорю? Ну, скажи, правильно я говорю?».

Когда он исчез, не вписавшись в поворот дороги, туристы ойкнули, подбежали к месту его исчезновения и с любопытством посмотрели вниз. Несчастный лежал ничком и не подавал признаков жизни. Его товарищ, находившийся в таком же изумлённом состоянии, не задумываясь прыгнул к нему и принялся своим здоровенным кулачищем, словно кувалдой, что есть мочи лупить неподвижное тело. Шокированные от таких спасательных действий туристы потеряли дар речи, но когда «молотобоец» не на шутку разошёлся, начали его стыдить. В ответ спасатель, устремив на участливых туристов остекленевшие глаза, сказал, что его «кореш» и раньше терял ориентацию в пространстве, что, мол, у него и раньше случались такие полёты на отдыхе, а потому для него это дело знакомое, и чтобы мы шли себе дальше и не беспокоились. Он приведёт его в чувство, после чего они нас обязательно догонят.

Они догнали нас у Гефсиманского скита. Видимо, всё ещё оглушённый падением, словоохотливый «кореш» с вытаращенными глазами и каким-то потусторонним, блуждающим взглядом едва перебирал ногами, прислонившись к своему спасителю. Мы в полном молчании вошли в Успенскую церковь, в которой «кореш» неожиданно встрепнулся и, отделившись от спасителя, словно находясь в бреду, принялся везде, где только можно, зажигать свечи, но внезапно появившийся мрачный монах Автоном стал их тут же тушить и командным голосом потребовал от раздухарившегося пиромана не делать этого.

– А по Христу нигде не сказано, что нельзя в церкви свечки зажигать! – обиженно воскликнул спаситель «кореша».

Однако монах Автоном был непреклонен и стоял на своём.

– Раз здесь такое отрицательное отношение к крещёным туристам, – вдруг подал голос обиженный пироман, – и мы не можем поставить Богу свечку, то наша экскурсия по святым местам на этом заканчивается. Пойдём, братуха, на пристань пиво пить, – обратился он к своему спасителю, и, к радости туристов, обнявшись, они покинули нас.

Москвичи любят Валаам беззаветно и стремятся сюда каждое лето. Весёлые и непосредственные. Им всё интересно, и ведут себя так, словно вернулись к себе домой после длительного отсутствия, и в любую погоду готовы идти куда угодно, хоть в самое комариное болото. Валаамские экскурсоводы всегда радуются, когда им достаются туристы из Москвы, тогда они уверены: экскурсия пройдёт легко и непринуждённо.

Вот и сегодня мне повезло: у меня на экскурсии оказались студенты из московского лица: будущие золотошвейки и художники по тканям, молодые, полные надежд и желаний ребята. Глядя на них, любуясь их энергичной молодостью, и сам наполняешься новой энергией и беззаботной радостью... Когда мы подошли к Никольскому скиту, нас встретил смотритель Никольской церкви монах Авенир.

– Батюшка, откройте нам храм, – прошу я его.

Авенир – старенький монах с красным носом, бывший цирковой артист-фокусник, строго взглянул на нас.

– А зачем вам надо в храм?

– Посмотреть его хотим! – выступила вперёд самая бойкая лицеистка.

– Посмотре-е-еть? – лицо Авенира делается ещё более суровым. – В церковь ходят не смотреть, а молиться. Это вам не цирк.

– Простите, батюшка, – смущается бойкая лицеистка, – я оговорилась. Мы и помолиться хотим.

– Вот то-то, а то – посмотреть, – ворчит монах Авенир и шаркающей походкой идёт открывать дверь, потом внезапно поворачивается, лицо его светлеет, и появляется добрая улыбка. – И откуда вы к нам пожаловали, такие красивые и молодые?

– Мы студенты из Москвы, батюшка. У нас даже будущие золотошвейки есть, – бодрыми голосами отвечают лицеисты, – будут после окончания лица для церкви работать!

– Она как, ну тогда ладно, так и быть, открою вам дверь, – и удовлетворённый Авенир заковылял к храму.

Когда после посещения Никольской церкви лицеисты стали выходить во двор скита, монах Авенир подошёл к бойкой лицеистке и при всех попросил у неё прощения. Это было так неожиданно и трогательно, что та расплакалась и уж было хотела приложиться к иссохшей руке ветхого монаха, но тот не позволил ей это сделать, а ласково произнёс:

– Бог благословит.

Я же подумал: «Вот он, пример истинного смирения, который в одну секунду заменяет часы, а то и годы светского воспитания. Эта девочка на всю жизнь запомнит эту встречу. Её душа, наверное, впервые вострепелась и откликнулась на трепет другой души и, следовательно, соприкоснулась с вечностью».

Самые бестолковые дни для экскурсоводов на Валааме наступают в праздники. Всюду царит суматоха, приезжает всякое начальство и духовенство. Паломники всюду бегают с выпученными глазами от одного батюшки к другому за благословением. Автобусы, до отказа заполненные приезжими, носятся туда-сюда в белой пыли по Монастырской дороге. Пешие группы паломников и туристов с лицами страдалцев и подвижников таинственно возникают и так же таинственно исчезают в этих пылевых вихрях.

С этого года поездка на Святой остров стала платной. Паломники, мечтающие помолиться у пещеры святого Александра Свирского, возмущаются:

– Мы столько подарков привозим монастырю, а тут ещё двести рублей надо платить с человека, чтобы на Святом побывать. Нехорошо это.

– А что нам делать прикажете, – оправдывается начальник Александровского скита отец Евлампий, – монастырский флот больно дорого нам обходится, и в старые времена платили. Иван Шмелёв в своей книге «На скалах Валаама» пишет, что каждому паломнику эта поездка обходилась в двадцать пять копеек, а тогда десять копеек – это как сто рублей сегодня. Стоимость нынешней поездки утвердил сам игумен монастыря, причём для школьников – половину её стоимости, а за дошкольников вообще платить не надо.

– Да мы это всё понимаем, – соглашаются паломники, – однако желательно бы бесплатно.

По посёлку, словно неприкаянный, бродит юродивый Василий. Он, как всегда, юродствует. На нём длинное до пят тёмно-синее шинелеподобное пальто, подпоясанное бельевой верёвкой и надетое на грязную тельняшку. Замызганное военное галифе едва доходит до щиколоток. На ногах сильно поношенные цветные цыганские полуботинки без шнурков с высоченными стоптанными на бок каблуками. Видно, что они ему велики номера на три, поэтому при ходьбе они громко шлёпают его по голым пяткам. Видимо, такой наряд связан с тем, что на днях он вернулся из Питера, где на киностудии «Ленфильм» снимался в эпизодической роли красноармейца, ведущего на расстрел белого офицера. Он ходит эдаким гоголем, похохатывая, грудь колесом, и, кланяясь в пояс первому встречному, рассказывает, что он теперь популярный артист и что с этого времени уж точно «Ленфильм» от него не отвертится. После этих пояснений начинает хохотать и нести всякую околесицу...

В это время у Коневского скита монах Сергей – водитель «Газели» – тихим голосом беседует с гостями:

– Мы встаём до солнышка, – говорит Сергей, – Господа славим.

– Но вы и рано ложитесь спать, – полная гостья задорно смотрит на мечтательного монаха.

– Этого никак не получается, – Сергей устремляет на неё затуманенный взор, – хотелось бы пораньше, да послушания не дают.

– Во сколько же вы ложитесь?

– Не раньше половины одиннадцатого вечера, а встаём в половине пятого утра.

– Зато у вас воздух чистый и климат хороший. Вы и жить-то должны до ста лет, – не понимает она.

– Да что вы! – машет рукой Сергей. – Климат здесь не очень хороший, и монахи живут недолго.

– Неужели!? – удивляется полная гостья. – И почему это происходит?

– Влажность на Валааме большая. Это плохо на лёгкие действует, и на сердце большая нагрузка получается. У нас уже четыре монаха померло.

– Что вы говорите? – ужасается та. – Ещё у вас и службы очень длинные, что тоже, наверное, влияет на здоровье.

– Я этого не замечаю. Время быстро проходит, – заканчивает разговор Сергей и нравоучительно говорит напоследок: – И всё же монашеская жизнь лучше, мирская жизнь вторична. Она вышла из духовной жизни, а до этого на земле только духовная жизнь была.

На следующий день, когда мы подошли к ржавой посудине, которая должна была доставить нас на Святой остров, я сразу же подумал, что наступит последний день в моей жизни, стоит нам только выйти на этой развалюхе в открытые воды Ладожского озера. Гости тоже заподозрили что-то неладное и принялись тревожно топтаться на пристани, не решаясь доверить свои жизни столь древнему средству водного передвижения.

– А чего вы на катер не проходите? – перед нами стоял невероятных размеров трудник и, улыбаясь, прижимал к необъятному животу старое и потёртое автомобильное сидение. – Проходите, не стесняйтесь. Скоро поедем. – И после этих слов весело забросил сидение на ржавую палубу. – Здесь вам удобно будет. Я вам сейчас ещё сидение принесу.

Стоило нам только покинуть тихую Монастырскую бухту и выйти в открытые просторы Ладоги, как сразу же задул холодный северный ветер и встречные волны, играючи, принялись подбрасывать катер вместе с гостями. Гости с героическим выражением на лицах, намертво вцепившись в прыгающие сидения, принялись елозить на них в разных направлениях по всей палубе, оставляя на её ржавой поверхности замысловатые узоры и то и дело упираясь в борт ногами, удерживали сидения от внезапных попыток вместе с ними вывалиться за борт. Волны, разбиваясь о нос развалюхи, обдавали ошарашенных мореплавателей холодными брызгами, но никто из них не жаловался, а, стиснув зубы, упорно боролись с разбушевавшейся стихией за свои жизни, видимо, считая, что так и положено на Валааме, что такой экстремальный отдых входит в обязательную программу посещения монастыря.

Когда мы, покачиваясь из стороны в сторону, по крутой тропинке поднялись к скиту святого Александра Свирского, то не сразу отыска-

ли начальствующего монаха отца Евлампия. В старом заношенном подряснике он тихо сидел в зарослях люпинов и о чём-то мечтал. Мы едва не прошли мимо, но, услышав наши голоса, он, широко улыбаясь, вышел нам навстречу.

– Вот и хорошо, что вы к нам пожаловали. Мы вас уже давно ждём. – Лицо отца Евлампия излучало неподдельную радость и гостеприимство.

Гости, довольные, что остались в живых, радостно обступили скитоначальника, засыпав его многочисленными вопросами. Отец Евлампий, всё так же улыбаясь, рассказал, что он уже одиннадцать лет подвизается в Валаамском монастыре и четвёртый год начальствует на Александровском скиту, а до этого он жил в монастыре «над Сухуми», но когда в Грузии начались военные действия, переехал на Валаам.

– Где же лучше? – поинтересовалась неугомонная полная гостья.

– На Валааме лучше, спокойнее.

– Скажите, батюшка, много ли в скиту людей проживает?

– Ещё четыре насельника да несколько рабочих, которые сгоревший в 2001 году храм во имя преподобного Александра Свирского восстанавливают. А так никого больше и нет. Добрались-то благополучно до Святого острова? – вдруг спросил отец Евлампий.

– Да вот как-то добрались, батюшка, – неуверенно проговорили гости.

– Ну, слава тебе Господи, идите уже осматривать скит. – После этих слов отец Евлампий исчез в зарослях люпина.

При осмотре скита, несмотря на сопротивление, едва удержали полную гостью «из любопытства» прыгнуть в могилу, которую, по преданию монастыря, вырыл когда-то для себя святой Александр Свирский.

– Я когда жила в деревне, – с гордым возмущением отреагировала она, – то на тарзанке всех деревенских ребят перепрыгала, а здесь в глубину и метра не будет.

Удивившись смелому безрассудству любознательной женщины, чтобы больше не соблазнять её могилой святого, мы по деревянной лестнице спустились к его пещере. Здесь я продолжил экскурсию и с воодушевлением принялся рассказывать о том, как Александр, будучи отшельником, несколько лет прожил в этой пещере и однажды, совершая ночную молитву перед иконой Божьей Матери, увидел необыкновенное сияние и указующий перст, а голос свыше повелел ему отправиться к Святому озеру, которое находилось около реки

Свирь. Он рассказал об этом видении игумену Валаамского монастыря и, получив от него благословение, покинул это уединённое место.

– Это ему всё приснилось, – безапелляционно заявила полная гостья, – от подобной жизни ещё и не такое привидится. А ушёл он потому, что ему надоело жить в таких ужасных условиях. Вот он и подался к людям. Я непременно хочу в его пещеру залезть, чтобы убедиться в своей правоте. Мне всё же непонятно, как человек, даже святой, мог так долго мучиться в этой норе. Может, она какая-то особенная. И даже не пытайтесь удерживать меня!

С этими словами любознательная гостья стала протискивать своё пышное тело в узкий и низкий проход, но уже через несколько секунд появилось её испуганное лицо с вытаращенными от ужаса глазами.

– Как там страшно! Просто кошмар! Ещё свечки горят как-то странно, и такие жуткие тени везде шевелятся. Теперь я окончательно поняла, почему он сбежал от этого ужаса. Тут и с ума сойти недолго!

Другие гости, видимо, ещё не совсем пришедшие в себя от экстремального водного путешествия, после таких слов наотрез отказались посетить пещеру.

Когда мы покидали скит, отец Евлампий вышел из зарослей люпинов, чтобы попрощаться с нами.

– Вы там скажите своему провожатому, чтобы осторожнее катером управлял, а то на днях чуть двое наших не потонули в Ладоге, на моторной лодке перевернулись: отец Варлаам и послушник Илья. Слава Богу, они успели по мобильному сообщить, что с ними случилось. Их искали несколько часов, даже Базыкин на вертолётё летал, но так никого и не обнаружил. Мы, конечно, преподобным Сергию и Герману молились. Помогли! – Отец Евлампий после этих слов осенил себя крестным знамением. – Яхта сбилась с курса и случайно вышла напрямиком на наших обессиливших братьев. Потом они рассказали, что внезапная волна опрокинула лодку недалеко от входа в Монастырскую бухту, и их стало очень быстро уносить в открытую Ладогу, поэтому так долго не могли их отыскать...

Такое напутствие отца Евлампия не прибавило нам оптимизма, но, судя по всему, в этот день высшие силы оказались на нашей стороне, и мы без особых приключений вернулись на Валаам.

На пристани опять встретили нашего жизнерадостного трудника. Он сидел за грубо сколоченным столом, заваленным копчёной озёрной форелью. Увидев нас, он заговорил елеиным голосом:

– Рыбку берите. Не пожалеете, и стоит недорого.

– Сколько же стоит ваша рыба? – поинтересовалась полная гостья.

– От трёхсот пятидесяти до пятисот. Цена зависит от размера. Правда, недорого? – добродушная улыбка заполнила всё его лицо.

– Ну совсем даром! – нервно отреагировала та и, почему-то обидевшись на добродушного трудника, направилась в архондарик, где отец Макарий пригласил вымотанных гостей на трапезу.

– Сергей, вы на обед, наверное, опоздали? – спросил он меня участливо.

– Опоздал, отец Макарий.

– Тогда здесь пообедайте. Вам же после трапезы с ними ещё на остров Святого Сергия предстоит съездить.

Он открыл дверь в свой кабинет, в котором за накрытым столом сидели певчие в полном составе. Они трапезничали в ожидании вызова к прибывшим из экстремальной поездки гостям, чтобы успокоить их своим ангельским пением в то время, когда те будут поглощать всевозможные яства.

– У вас ещё есть тут место? – ласково спросил он.

– Есть! Есть! – дружно откликнулись певчие.

– Вот и хорошо, проходите, Сергей, – проговорил отец Макарий и ушёл к гостям.

– Что будешь пить, – пророкотал своим басом-профундо Володя Миллер, – водку или вино?

– Вино, пожалуй, а то мне после обеда ещё одна экскурсия с гостями предстоит. Сам понимаешь – в форме надо быть.

– Тогда мускат молдавский попробуй. Очень хороший, – сказал он и налил мне вино в бокал.

Закуска была простая, но очень вкусная и сытная: рыбный суп и гречневая каша с грибами и жареной озёрной форелью.

Вскоре певчих вызвали услаждать пирующих гостей, а я, пообедав и насладившись песнопениями, доносившимися из трапезной, спустился к пристани. Через некоторое время подошли повеселевшие гости во главе с иеромонахом отцом Агафоном. Мы сели на монастырский катер «Игумен Дамаскин», в котором имелся пассажирский салон с иллюминаторами, и под мой неспешный рассказ об истории Валаамской обители через полтора часа причалили к шаткому деревянному причалу острова Святого Сергия. Пошёл мелкий дождь, но гости мужественно по мокрой и скользкой тропинке поднялись

на гору Елеон и остановились у церкви преподобных Сергия и Германа, основателей Валаамского монастыря. Двери храма оказались запертыми, и пока бегали за ключами, я им коротко успел рассказать историю скита, построенного в 90-х годах девятнадцатого века, насельники которого вместе с наёмными рабочими добывали здесь гранитный камень, предназначенный не только для строительных работ на Валааме, но и в различных городах России.

Когда принесли ключи и дверь храма открыли, глазам присутствующих предстала картина полного запустения. Внутренняя реставрация только началась, и на обшарпанных стенах едва проглядывали отдельные куски прошлой росписи. Пол отсутствовал, и вместо него был насыпан речной песок. Стояло несколько подсвечников.

После короткого молебна иеромонах отец Агафон подвернул до колен свой серый подрясник и молча, солдатским шагом вышел из храма под дождь, увлекая за собой часть гостей, которые внимательно следили за всеми действиями своего батюшки. Однако многие, не ждавшие от него такого подвоха, не обратили на это никакого внимания и, как ни в чём не бывало, не спеша зажигали и ставили свечи на подсвечники, а кто-то даже пытался разглядеть остатки росписей. Вскоре, с изумлением обнаружив, что духовный наставник бесследно исчез, отставшие гости вышли из храма в сырую темноту и, не заметив его поблизости, стали бодро спускаться по скользкой тропинке к причалу, надеясь застать его на катере. Но и здесь его тоже не оказалось. Трезво рассудив, что лучше всего дожидаться энергичного батюшку здесь, чем без зонтов и фонарей рыскать по незнакомому острову в промозглой темноте, решили скрасить ожидание «лёгким выпивочником», радуясь, что так легко отделались от продолжения экскурсии. Только они стали согреваться, как вдруг появляется мокрый, с окаменевшим лицом отец Агафон и говорит голосом Каменного гостя:

– Пойдёмте со мной, я вам кое-что покажу, – и всё так же, с подвёрнутым до колен, насквозь промокшим подрясником, уходит в вечернюю сырую мглу.

На лицах гостей застывает сдержанное недоумение, однако возливания были остановлены, гости стали нехотя выходить под усиливающийся дождь и, ориентируясь на мелькающий свет от фонарика отца Агафона, устремились за его быстро удаляющимся силуэтом. Миновав церковь, в которой они недавно побывали, гости, набрав темп, подбежали к внутреннему озеру, на берегу которого в окружении первой

партии гостей в позе непризнанного художника едва просматривался отец Агафон. Он молча стоял и смотрел вдаль – туда, где на противоположной стороне озера темнела чаща густого хвойного леса.

Потерявшиеся гости обступили безмолвного отца Агафона и недоуменно принялись вглядываться в черноту северной ночи – туда, куда устремил свой взор онемевший батюшка, но, как ни старались, ничего не увидели. Наконец отец Агафон пришёл в себя, развернулся и солдатским шагом, всё так же не говоря ни слова, отправился в обратный путь. Промокшие насквозь гости поплелись за ним. На катер они пришли с мыслью, что, вероятно, им удалось увидеть что-то необыкновенное, сакральное, ради чего не грех и вымокнуть под ночным дождём...

Валаам... Валаам – маленький северный остров посреди холодной и необъятной Ладоги – затаился и словно ждёт чего-то, ведомого только ему одному, словно хранит какую-то древнюю мировую тайну. Сколько людей бродило по твоим лесным чащам и прибрежным лудам? Сколько судов и кораблей было прибито равнодушными ладожскими волнами к твоим каменным берегам? Сколько стенаний и молитв, ищущих земного рая, выслушал ты и приютил? Северные звероподобные воины, светлые духовные старцы, черноризники и паломники, учёные, писатели, художники и любознательные туристы – все они стремились к твоим таинственным берегам. Какая-то могучая и неведомая сила влекла их сюда, и многие, может быть, и не ведая того, обретали здесь духовную силу. Душа просыпалась и, наполняясь чистотой, устремлялась в духовную высь. Так было, так есть, и так, надеюсь, будет и в будущем.

Конец сентября. В это время на Валааме наступают холодные серые дни – с северными ветрами и бесконечными морозящими дождями. Моя живопись начинает постепенно увядать, как осенние цветы. Руки стынут на ледянящем ветру, и краски густеют от холода так, что наносить их на холст становится всё труднее. С каждым днём меня угнетает это всё больше. Но такое моё настроение нисколько не касается моей любви к этому благословенному острову. Я оглядываюсь назад, на прожитые дни на Валааме, и ощущение такое, будто сон чудный приснился, а проснувшись, вижу только сегодняшний дождливый день.

АЛЕКСАНДР МАХНЁВ

Московский прозаик Александр Махнёв продолжает знакомить читателей с персонажами серии иронических зарисовок «Затевахин и другие», опубликованных автором в книге «О прожитом с иронией. Часть вторая».

Новая история включена в книгу автора «О прожитом с иронией. Часть третья». Книга выходит в свет весной 2023 года в издательстве «У Никитских ворот».

И вновь о коронавирусе

Как ни береглись Затевахины, а не сдюжили – тёща Ивана подхватила коронавирус. Во всяком случае, Евдокия Макаровна сама поставила диагноз:

– Дети мои, захворала я, и это коронавирус!
Дочь зашумела.

Махнёв Александр Владимирович. Профессиональный военный. Полковник в отставке. Имеет правительственные награды, в том числе орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР третьей степени», юбилейные и памятные медали.

С 2010 года активно занимается творческой деятельностью. Прозаик. Автор двадцати двух книг. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии имени Маршала СССР Крылова Н.И. (2017 г.), национальной литературной премии «Писатель года – 2017» (3-я Премия в основной номинации РСРП), Всеармейского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья» (2018 г.).

– Мамочка, да быть такого не может, вы же привиты, и потом, с людьми не общаетесь, на улицу не ходите второй месяц, откуда быть этой заразе. И мы с Иваном привились, здоровы. Детки не кашляют.

Старушка не унималась.

– Запахи не чую, слабость в теле, голова кружится, наверно, и температура есть.

Маринка сбегала к аптечке, принесла термометр. Через пять минут старый, ещё прошлого века прибор показал результат – 37,4.

Глаза Евдокии Макаровны победно сверкнули.

– И температура есть!

На шум явился Иван.

– Что такое, зачем шумим!

Маринка, ни слова не говоря, сунула под нос мужу градусник. Иван ухмыльнулся.

– Этой стекляшке лет сорок, и, сколько себя помню, всегда здесь было 37,4. Могла бы и новее взять, в аптечке ещё три градусника лежат.

Но Евдокию Макаровну уже было не остановить.

– Так-то ты к теще относишься. Знаю, давно сжить со свету желаешь. У-у-у... Бесстыжий.

Иван было смутился, за что его так... Но, вспомнив давнишнее правило – с женщинами спорить себе дороже, – осторожно пробормотал:

– Скажете тоже...

Евдокия Макаровна, абсолютно убеждённая в том, что серьёзно больна, тяжело переваливаясь со стороны в сторону, двинулась в свою комнатку. На лице гримаса боли, глаза потухли, губы что-то шепчут.

Маринка тревожно смотрела вслед матери.

– Мамочка, ты что-то сказала?

Макаровна кивнула головой и махнула дочери рукой, дескать, пойдём, девонька, со мной.

В комнате, отведённой старикам, Макаровна прилегла, накрылась старым пледом, прикрыла глаза. Марина села рядом.

Тишина.

Молчание длилось недолго. Первой заговорила Евдокия Макаровна.

– Доченька, ты отцу позвони, пусть побережётся, из дому не выходит, за здоровьем следит. Детишек отправь к брату Ванечки, Антону,

хотя бы на несколько дней. И позвоните в скорую, пускай приедут, надо бы лечиться, не дай Бог помру.

Евдокия Макаровна вновь прикрыла глаза. Затем, будто вспомнив что-то важное, встрепенулась, взяла дочь за руку.

– И вот ещё что. Ты расскажи о моей болезни Аннушке и Полине, пусть знают. Полина, может, чем и поможет, помнится, когда-то в медицинском училище обучалась.

Маришка закивала головой.

– Мамочка, так я побегу, надо всё организовать, и чайку тебе поставлю. С медком, как ты любишь.

Макаровна одобрительно кивнула.

– Вот-вот! Чеснок с имбирём перетри, сметанкой полей. Иди...

Затевахин перекуривал на крылечке. Марина покрутилась на кухне, поставила чайник, не увидав мужа, выглянула на улицу.

– Ах вон ты где. Пойдём, надо поговорить.

Иван, глубоко затянувшись, с сожалением выбросил недокуренную сигарету и вошёл вслед за супругой в дом.

– Марина, блажь всё это. Ничем Макаровна не болеет, глупость придумала, а мы бегать вокруг должны. Ты же знаешь, мнительный она человек, и эта мнительность далеко заведёт. Ты лучше отцу позвони, пусть заберёт её, а то загостилась, разнежилась, от безделицы дурью мается.

Зря, конечно, он так... Не подумав брякнул, а брякнув, мгновенно получил ответ. Маринка села на стул, глаза увлажнились, лицо покраснело, руки вцепились в край стола.

– Вон ты как заговорил. Ты и меня со свету, как мою маму, сжить захотел! Ах вот как...

И взял бы слова Иван назад, да слово не воробей...

– Да ты что! Чтобы я... мать твою... Да ни за что! Извини, Маришка, не то брякнул.

Что «брякнул», это он удачно сказал, может, простит.

А Маринка продолжала реветь, не в голос, конечно, шёпотком, всё же дети в доме и мамочка... Нюха Макаровна лишилась, но слух, слух у тёщи – дай бог каждому.

Иван обнял жену.

– Извини...

Спустя несколько минут Затевахины мирно обсуждали, что же делать дальше.

А что тут обсуждать? Пора было действовать.

Марина по мобильнику связалась с отцом, тот пообещал немедленно примчаться. Затем набрала Забродину Полину Тимофеевну, дальше позвонила Анне Петровне, и к плите.

Где там чеснок, имбирь и прочее.

Иван ушёл в спальню. Первый звонок сделал братишке. Напугав появившейся в доме заразой (всё же трое сынков Антошки на удалёнке у Затевахиных проживали), попросил немедля вывезти мальчиков. Дошла очередь до скорой помощи.

Сходу набрать не получилось. «03» – короткие гудки, «103» – также нет ответа. Через полчаса всё же удалось прорваться сквозь частокол занятости.

– Пятнадцатая. Колокольцева. Станция... Слушаю вас... Минуточку.

Пауза – и вновь:

– Слушаю.

Иван несколько путано пояснил причину обращения. Услышав слово «коронавирус», диспетчер перебила:

– Соединяю...

Тишина. Музыка и бархатный голос: «Вы позвонили... Ваш звонок очень важен для нас...» Вновь музыка. Под этот релакс Ваня чуть не уснул. Затем звонок оборвался. Вновь Иван тычет пальцем клавиши. Картина повторилась:

– Скорая. Слушаю... переключаю... Ваш звонок важен...

Музыка, короткие гудки.

Наконец в трубке послышался усталый голос.

– Говорите...

Пока дозванивался, первые фразы разговора с невидимым специалистом кол-центра Иван отточил, а потому в разговоре вложил в минуту: коронавирус, фамилия больной, адрес проживания, признаки, принятые меры.

Усталый голос ещё минут десять требовал уточнений: полис, возраст, хронические заболевания и прочее. Иван как мог отвечал.

Голос резюмировал:

– Больного изолируйте, дайте жаропонижающее и много тёплого питья. Бригада прибудет в течение дня.

А в доме тем временем об изоляции, дезинфекции, как обычно делают в случае появления заразных больных, и разговора не было.

В гостиной шумели примчавшиеся по звонку Марины товарки Евдокии Макаровны, причём, кроме Забродиной и Анны Петровны, здесь сидели ещё две пожилых дамы. Среди этого бабьего мира вышагивал тесть Ивана, Егор Кузьмич. Присутствующие активно обсуждали вражью силу, заразившую весь мир коронавирусной инфекцией. Об эвакуации детишек также речь не шла. Брат Антон приехал, да не один, вместе с женой, но собирать детей родственники не спешили. Молодая поросль вместе с родителями и Маринкой гоняли чаи на кухне.

Наводить порядок Затевахин начал с кухни. Пошумев на Маринку, он довольно бесцеремонно вытолкал из-за стола братишку, дети было заартачились, младшенький, как всегда, заревел, средненький, дабы не отняли, ускорил поедание бутерброда, но обещание получить вкусняшки к полднику детей быстро успокоило. Через десять минут детский сад выехал со двора.

Сложнее было справиться с взрослыми.

Пока Иван и Маришка выталкивали за дверь молодое поколение, старушки-подружки тихонечко просочились к Евдокии Макаровне в комнатку.

Не увидев гостей в гостиной, Иван всё понял. В сердцах развёл руки.

– Ну и чёрт с вами!

Устало плюхнулся на диван.

– Вань, это ты про кого?

От неожиданности Затевахин вздрогнул. Не тесть ли? Взглядом повёл в сторону серванта. Точно! Тесть.

Кузьмич сидел рядом с сервантом у стола, перед ним стоял стакан с почти прозрачной жидкостью. И как он не заметил Кузьмича? Но всё оказалось буднично и просто – рубаха тестя сшита из той же ткани что и парадная скатерть на столе в гостиной. Кузьмич просто вписался в интерьер комнаты, как мебель, стол или стул.

Иван невольно рассмеялся. Тесть обиделся.

– Что смеёшься? Рад, что старуха расхворалась?

Затевахину было смешно, но, сдержавшись, он постарался сделать лицо серьёзным.

– Кстати, о больной. Сейчас скорая приедет, а у нас в доме народу больше, чем в праздничные дни на площади. А кое-кто, не будем показывать пальцем, ещё и выпивает потихоньку.

Иван кивнул на стакан. Тесть среагировал мгновенно.

– Я не пью! Стресс снимаю. Хочешь, и тебе налью?

Что Ивану оставалось? Он лишь рукой махнул и пошёл к комнате тещи. У двери полминутки постоял и тихонько вошёл.

Тёща лежала на кровати. Лежала на боку, на лице полуулыбка, утренняя бледность сошла. Она внимательно слушала одну из пришедших дам. При этом больной явно не выглядела. Гости сидели в масках, у Анны Петровны на руках чёрные перчатки.

Затевахин вздохнул. Ладно, пусть посплетничают.

Незнакомая ему дама рассуждала.

– Дусенька, я недаром говорю, коронавирус – заговор мировой элиты, и цель его привнесения на планету – сокращение населения земли. Нас будут чипировать. Для чего? Надо понять, сколько людей на земле, ведь ими надо управлять. Так вот, вживляется чип в организм при вакцинации, одновременно человек ставится на учёт, таким образом создаётся возможность управлять сознанием людей. О! Это сложная кампания, и не на одно десятилетие рассчитана...

В разговор вступает Анна Петровна.

– Что-то ты, Лариса Сергеевна, мудрёное говоришь: чипирование, элита какая-то... И тем более что всё это не на одно десятилетие рассчитано. Нам бы свой век прожить. Ты лучше совет дай, чем лечиться Дусеньке? Ты человек образованный, отделением в психбольнице заведовала.

Лариса Сергеевна живо откликнулась на реплику.

– И то правда! Лечиться, уважаемая Евдокия Макаровна, надо травами. Шалфей, семена льна, цветки календулы, Melissa, трава и корни эхинацеи. Есть определённые пропорции, делать настойки и пить, причём пить по времени, тёплыми и...

Анна Петровна вновь перебила даму.

– Календула, эхинацея... Ерунда всё это. Чеснок! Вот главное средство. Недавно этот, который в Чечне главный, заявил: «Ешьте чеснок, кровь будет чистой». И для укрепления иммунитета смешать лимон с мёдом и пить. Так что ты, Мариночка, всё правильно делаешь.

Она кивнула на чашку, что стояла на тумбочке у изголовья больной.

– И побольше, побольше, до поту...

Готовность помочь больной показала и соседка Затевахиных Полина Тимофеевна.

– Макаровна, я видела, на кухне бананы лежали. Так ты их выкинь, от бананов вся хворь пошла. Говорят, заражённые в Китае бананы ели. А что профилактики касается, я тебе скажу так. Коньяк. Граммов сто – сто пятьдесят выпить к ночи – и никакая зараза не пристанет.

Егору Кузьмичу, который тихонько за Иваном прошёл в комнату страдальцы, рецепт понравился.

– Мать, ты слышишь, хороший совет, а?

Затевахин понял: тёплую компанию, что присела рядом с тёщей, надо разгонять. Не хватало ещё, чтобы врачи толпу народа в доме увидели.

– Товарищи женщины, Евдокия Макаровна устала, ей надо отдохнуть, да и скорая помощь вот-вот подъедет. Давайте по домам. Расходимся, расходимся.

Евдокия Макаровна было воспротивилась, однако дамы понимающе отнеслись к решению Ивана.

Первой встала Анна Петровна.

– Уходим по одному, если что, мы геологи...

Не все поняли реплику, а Забродина так просто впала в ступор.

– Какие геологи?

Ваня помог соседке, слава Богу, телевизор смотрит и литературу листает.

– Классику читать надо, Полина Тимофеевна. Это мичман Криворучко сказал, есть такой герой у Никиты Михалкова.

Та пожала плечами.

– Какой такой Криворучко?

Не всё понял и Егор Кузьмич, но поддержал Ивана.

– Давайте, бабоньки. На выход, на выход.

Гости разошлись. Тёща заснула. Егор Кузьмич вновь присел в гостиной. Маринка принялась за дезинфекцию, а Иван ушёл курить.

Скорая приехала поздно ночью. Врач и медсестра в одежде инопланетян прошли в комнату Евдокии Макаровны, родных в комнату не пустили. Спустя полчаса врач вышла от тёщи.

Маринка с опаской и нетерпением ждала приговор.

– Ну что там, как там?

Врач сняла маску, присела на стул в гостиной.

– Что я вам скажу. Посмотрела я вашу маму. Взяли мазок на исследование. Через денёк позвоним, анализ всё прояснит. Диагноз пока ставить не будем. Хотя, думаю, здорова Евдокия Макаровна.

Температура 36,6, давление, как у космонавта. Обоняние есть. Я ей нашатырь дала понюхать, её аж подбросило. Что касается усталости – возрастное это. И ещё, мнительность. Мнительность! Меньше телевизор надо смотреть, а ещё гулять больше. Но дождёмся результатов. Рецепт я оставила на столе, разберётесь. Если вопросов нет, мы поехали.

Врач и медицинская сестра поднялись и, попрощавшись, вышли на улицу.

Проводив скорую, Маринка радостно обняла Ивана.

– Вот и хорошо! Вот и славненько! Гора с плеч. Я к мамочке...

Но у Затевахины настроение было не столь радужным. Оно, конечно, хорошо, что тёща здорова, а в душе какой-то червячок вдруг начал ковыряться, дескать, зачем врачей зря потревожили, может, их где-то серьёзный больной ждёт, а они здесь дают здоровому человеку нашатырь нюхать. Неправильно это. С другой стороны, здорова Макаровна, и ладушки. И вслед разноголосице внутренних чувств, будто какой голос за спиной зашумел, – не хлопнуть ли стопочку напитка от Кузьмича?

Кстати, и Кузьмич рядом оказался, дёрнул за рукав.

– Пойдём, Ваня, за здоровье Евдокии Макаровны выпьем.

Пойдём, значит пойдём, почему не выпить. Хорошая у него тёща, и жена нормальная досталась: заботливая, добрая; да и тесть ничего – кто бы другой в такую минуту подсказал, что выпить надо. А Кузьмич тут как тут.

P.S. Через день из больницы позвонили: тест показал, в организме Евдокии Макаровны коронавирусной инфекции нет.

ВЛАДИМИР МИРКИН

Письмо к знаменитому доктору

Уважаемый доктор!

Привет Вам из далёкой уральской глубинки. Пишет Вам давняя почитательница Вашего таланта, Ваша будущая пациентка, женщина, которая очень хочет похудеть! Дорогой доктор, вот уже много лет я слежу за Вашими успехами на поприще медицины, не пропускаю ни одного Вашего выступления по телевидению, а Вашу книгу «Как худеть?» я уже давно выучила наизусть! Ваш последний приезд сделал немало шума в нашем районном центре (дорогой доктор, это Вы были или Ваш ученик?). Все только о Вас и говорят. К сожалению, я не смогла присутствовать на сеансе, но вот моя соседка Люба специально ездила к Вам вместе со своим мужем Лёшей. Её благоверный не страдает полнотой, но случайно оказался на сеансе. И произошло чудо – он стал худеть. Но есть одно «но»... Дело в том, что Люба подозревает своего супруга в неверности. Поэтому очень просим Вас ответить на вопрос: мог ли её муж Лёша похудеть после одного сеанса... или он всё-таки гуляет? Напишите нам обязательно, ведь от этого зависит благополучие семьи.

И вообще, дорогой доктор, у жителей нашего села к Вам появилось очень много вопросов. Например, уникальный случай произошёл с собакой нашего директора, которая из-за непростительной

Миркин Владимир Иванович — член Союза литераторов России, автор книг «Похождения Миколы из Горопашни», «Осторожно, сало», «Опыты профессора Иванова», «Исповедь бывших толстущек» и др.

легкомысленности своих хозяев также присутствовала на Вашем сеансе. Так вот, дорогой доктор, Вы не поверите! После Вашего сеанса у собаки совершенно пропал аппетит! Это настоящее чудо! Такого не было даже на сеансах Кашпировского. Вы настоящий уникам, доктор! Кстати, жена директора интересуется: можете ли Вы раскодировать собаку? И что для этого надо сделать? Признаюсь, дорогой доктор, я много думала об этом случае. Мне кажется, у Вас очень сильное биополе, о котором Вы даже не подозреваете, поэтому я думаю, что Вам обязательно надо объявлять о том, чтобы посторонние и собаки выходили из зала. А то у нас народ нынче пошёл – всяк норовит бесплатно пройти лечение.

Кстати, о лечении – совсем забыла самое главное спросить: все ли поддаются Вашему лечению? Например, моя старшая сестра Клавдия уже много лет страдает излишним весом, потому что давно работает в районе на продовольственной базе; у неё, как сказал один доктор, патологическая тяга к дефицитам. Так вот, к ним недавно на базу приезжал доктор из области лечить их сотрудников от полноты. Зная об их бешеном влечении к дефицитам, он решил резко посадить их на трёхдневную голодовку. Однако эксперимент не оправдался. Через три дня все сотрудники пришли к доктору недовольные, заявив, что они опухли от голода... и поэтому поправились на три килограмма! Согласитесь, доктор, что это уникальный случай. Как говорится, есть пища для научных размышлений!

Кстати, о пище! В своей книге Вы пишете о вреде углеводов и жиров. Касательно первых – я полностью с Вами согласна, но вот в отношении последних никак не могу с Вами согласиться. Хотя бы взять для примера то же самое сало. Ведь согласитесь: нигде не написано, что сало вредно для здоровья человека. Мало того, у нас на селе все давно заметили: если съешь на ночь сало, то обязательно заснёшь, а если не съешь, начинается бессонница. Поэтому настоятельно рекомендую, доктор, включить сало в свою диету как успокаивающее средство. Только Вы, ради бога, не обижайтесь на меня за то, что я, тёмная, малообразованная женщина, осмелилась давать Вам советы. Но в то же время благодаря своему жизненному опыту и тем испытаниям, которые пришлось мне перенести, я, дорогой доктор, тоже в некотором роде профессор в этой области. В своё время я перепробовала самые различные методы похудения: от кодирования до гемокода... И стрессом меня пугали, и отвращение к еде вызывали...

Если бы Вы знали, сколько денег я потратила на «Гербалайф»... Пришлось порезать всех кур! И что в результате? Как только вечер наступает, как только тарелки или ложки на кухне зазвенят, так во мне зверь просыпается. И ничего сделать с собой не могу. Ем всё подряд! Поэтому очень надеюсь, что Вы приедете к нам в районный центр и убьёте во мне этого зверя. Наш сельский фельдшер недавно мне сказал, что я страдаю булимией. Оказывается, есть такое заболевание, при котором человек страдает от повышенного, неукротимого аппетита. Так вот, дорогой доктор, булимия охватила всё наше село. И поверьте, это не от хорошей жизни. Ах, если бы Вы знали, как иногда хочется пойти в театр или на какой-нибудь концерт и вообще куда угодно... лишь бы убежать подальше от этой серой, скучной жизни. От скуки мы и жиреем, дорогой доктор! А театр у нас на селе один – корова и хозяйство, да ещё кухня и мытьё посуды в придачу. Но не будем говорить о плохом! Давайте лучше о хорошем. Приезжайте к нам, дорогой доктор! Все женщины нашего села с трепетом ждут Вашего приезда и давно готовы объявить беспощадную войну лишним килограммам!

Кстати, дорогой доктор, если Вы всё же надумаете к нам приехать, советую Вам быть поосторожнее с нашими дамами. Уж очень сильно они любят покушать. А для нашей сестры чем строже, тем лучше. Поэтому, дорогой доктор, захватите с собой большой дрын и отдубасьте их хорошенько, чтобы поменьше ели!

С уважением, жительница села Гуски,
Клавдия Ивановна Гуска.

Жду ответа – как соловей лета.

ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

Самый молодой военачальник

(Продолжение)

Сказать по правде, Ямщиков был человеком увлекающимся. Всю жизнь его тянуло к людям творческим, ярким, заряженным идеями и планами, любящим искусство, науку, много повидавшим в жизни и умеющим рассказать об этом интересно и нестандартно. Неожиданная встреча с Коляниным и сама тема будущего балета пришлись Ямщикову по душе ещё и потому, что загадка Вирсавии волновала Савелия со школьных лет. Но всё как-то руки не доходили.

Сам того не подозревая, Колянин попал в точку. И Ямщиков в который раз зачастил в главную библиотеку страны, которая для его поколения так и осталась Библиотекой имени Ленина. Он с удовольствием просматривал каталоги и заказывал увесистые тома и тонкие книжцы по искусству, политике, религии, истории, делал из них выписки, искал интересные факты, сопоставлял. Не пропускал он и современные журналы. Наконец весь собранный материал выстроился

Поляков Василий Евгеньевич родился в Москве 4 июля 1938 г. Доктор медицинских наук, профессор, врач высшей категории, Почётный донор СССР. Академик Международной академии информатизации ООН и Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Автор свыше 700 печатных научных работ, в том числе 15 монографий, 2 авторских свидетельств, 1 товарного знака, 9 рационализаторских предложений. Издал 8 книг художественной прозы и стихов.

в единое повествование. Тогда Ямщиков не поленился и отпечатал весь текст набело, озаглавив его «Житие Давида и Вирсавии».

...Как-то вечером, дома, в тишине, когда вся семья умиротворённо отошла ко сну, Савелий зажёл настольную лампу и начал читать.

...Царь **Давид** происходил из племени Иуды и был самым младшим, седьмым сыном жителя Вифлеема **Иессеи**, чей род пользовался в городе большим уважением. Известно, что Давид прожил в общей сложности 70 лет, с 1042 до 972 года до нашей эры, причём 40 лет из 70 он был царём, из которых первые 7 лет царём Иудеи, а последующие 33 года – царём Израиля.

В юности это был белокуро-рыжеволосый, с красивыми умными глазами, небольшой, но хорошо сложенный и ловкий подросток, работавший в хозяйстве своего отца пастушонком.

В ту пору вождём и главой Израиля был пророк и мудрец, благочинный добродетельный **Самуил**, самоотверженно исполнявший свои религиозные обязанности и, по свидетельству его приближённых, общавшийся с самим богом **Яхве**. Самуил был не воином и не военачальником, а правителем и мудрым учителем народа. Он занимал пост Верховного жреца и судьи. Народ уважал его за безупречное служение Яхве, объединение прежде разрозненных израильских племён в единое государство, за победу в освободительной войне над филистимлянами, за укрепление единой религиозной и светской власти и справедливое правление. Столицей Израиля в ту пору был родной город Самуила – Рамафаим, в котором Верховный жрец основал новое святилище бога Яхве.

Самуил мечтал об укреплении созданного им строя в Израиле и о том, чтобы власть стала в его роду наследственной. Он обучал своих сыновей искусству управления и назначал их судьями в Вефсамисе. Сам он был уже стар и нуждался в их помощи. Но его сыновья оказались нечестивцами. Жадные и продажные, они брали взятки и выносили несправедливые приговоры. В конце концов, народ совершенно перестал уважать судей. Самуил был слишком стар и снисходителен, чтобы противостоять сыновьям и предотвратить зло.

Израильский народ стал выражать недовольство существующим порядком. Но израильтяне так уважали Самуила, что предоставили ему право выбора царя.

После длительных и порой мучительных раздумий обряд помазания на царский престол Самуил втайне произвел над **Саулом** –

юношей исключительной смелости, силы и красоты, который был на голову выше всех израильтян и отличался скромностью и даже застенчивостью. Он был сыном простого землепашца **Киса**, жившего на земле Вениаминовой. По рекомендации Самуила на общем собрании народа в Массифе Саул был избран и утверждён царём. Во время выборов многие израильтяне голосовали против Саула, после избрания продолжали относиться к нему с презрением за его простое происхождение и даже позволили себе не прийти к нему на поклон. Но Саул, человек умный и сдержанный, делал вид, что не замечает этого, и не мстил непокорным.

Описываемое время было временем большого переселения народов. Известно, что северные варвары вытеснили из Греции, Балканского полуострова, а затем с Крита, Эгейских островов и Малой Азии кочующие племена греческого и негреческого происхождения, долго пребывавшие под влиянием культуры Древней Греции, владевшие тайной обработки железа. Их мужчины были высокого роста. У них были высокие лбы и типично греческие прямые носы. Воины носили на головах своеобразные шлемы из птичьих перьев и были вооружены широкими короткими железными мечами и небольшими круглыми щитами.

Наиболее грозным было наступление греческих племён на Египет в 1191 году до нашей эры. Так как воинственные пришельцы пришли с моря и опустошили северные районы страны, египтяне прозвали захватчиков «народами моря», которые затем вошли в историю под названием филистимлян.

Фараону Египта **Рамсесу III** пришлось мобилизовать все силы, чтобы отразить их воинственный напор. В конце концов, войскам Рамсеса удалось разгромить воинственных пришельцев и на суше, и на море. В морской битве под Пелузиумом флот «народов моря» был уничтожен. Однако Рамсесу III не хватило сил, чтобы выгнать филистимлян также из Ханаана и Сирии. Часть пришельцев, уцелевшая от разгрома, смогла беспрепятственно занять плодородную долину в южном Ханаане и обосноваться там на долгие времена.

Филистимляне стали жителями Ханаана почти одновременно с израильтянами. «Народы моря» заняли урожайную полосу побережья к югу от горы Кармил. Их города-государства Газа, Аскалон, Азот, Гат и Экрон образовали федерацию, называвшуюся по-гречески «пентархия». Направляя свою экспансию вглубь материка, фили-

стимляне быстро вступили в конфликт с соседствующими с ними израильскими племенами Иуды и Дана.

Около двухсот лет военные столкновения с филистимлянами происходили почти постоянно.

Как трезвый большой политик и военачальник, израильский царь Саул понимал, что рано или поздно произойдёт решающее сражение с филистимлянами, и готовился к нему. Вся свою энергию он направил на формирование воинских отрядов, зачисляя в них каждого, кто казался ему мужественным и смелым. Чтобы обеспечить себе прочный тыл, Саул вёл успешные войны с царями моавитян, аммонитян и эдомитян, завоевал на севере арамейское царство Сову, а внутри страны укрепил свои позиции, покоря ханаанские города, сумевшие сохранить независимость. Таким путём Саул создал мощное израильское государство.

А в мирное время Саул вёл простую жизнь царя-земледельца, довольствовался одной женой, которая родила ему четырёх сыновей и двух дочерей.

Командующим армией израильтян Саул назначил своего двоюродного брата и друга **Авенира**.

У израильтян, кроме того, были постоянные столкновения с амаликитянами – разбойничьими племенами, населявшими пустынные земли между горой Синай и южной границей Ханаана. Ватаги амаликитян разоряли южные районы Ханаана, грабили население, убивали сопротивлявшихся и исчезали в пустыне, прежде чем поспевала помощь. Хуже всего было то, что для борьбы против израильтян амаликитяне объединялись с филистимлянами.

Царь Саул, занятый другими войнами, медлил с расправой над амаликитянами. Возмущённый, с его точки зрения неправильными решениями и поступками царя, Верховный жрец Самуил отправился из своего родного города Рамафаима в город Гиву – место пребывания царя

– Я сделал тебя царём, чтобы ты защищал израильтян, – гневно бросил в лицо Саулу Самуил.

– Истинно так, – склонив почтительно голову перед заместителем бога, спокойно ответил Саул.

– Тогда теперь иди, – повелительно сказал Самуил, – и порazi царя амаликитян **Агага** и истреби всё живое, что принадлежит ему. И не давай ему пощады. А всех амаликитян – от мужа до жены, от

отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла – предай смерти.

После такого приказа Верховного жреца царь Саул во главе своей армии двинулся в нужном направлении, разгромил амаликитян в Негеве, убил всех пленных, не пощадив даже женщин и детей, и захватил в плен царя амаликитян Агага.

Однако после грандиозной победы над амаликитянами царь совершил непростительный грех, не выполнив до конца приказ Самуила. Ему стало жаль уничтожать богатейшие военные трофеи – овец, баранов, волов и другое ценное имущество амаликитян, а кроме того, пленённый мужеством амаликитянского царя Агага, Саул подарил ему жизнь.

При встрече возмущённый Самуил гневно упрекал Саула в неповиновении и бросил ему в лицо такие слова: «За то, что ты отверг слово господа, всевышний отверг тебя быть царём». В то время ослушание наместнику бога на земле, каким был Верховный жрец, наказывалось духовной властью фактическим свержением с престола.

При существовавших тогда обычаях царь Саул не мог не считаться с огромным моральным авторитетом Верховного жреца и пророка для своего народа. Убоявшись, что известие о конфликте царя со жрецом вызовет брожение в народе, Саул стал покорно молить Самуила о прощении, упрашивать остаться в военном лагере и идти с ним вместе в Галгал.

– Не ворочусь я с тобою, – гневно ответил Самуил, – ибо ты отверг слово господа, и господь отверг тебя, чтобы ты не был царём над Израилем.

После таких слов Самуил резко повернулся, чтобы уйти. Но такой демонстративный уход Верховного жреца не остался бы незамеченным ни в армии, ни среди израильского народа. Тогда Саул, стремясь во что бы то ни стало сохранить их конфликт в тайне, попробовал задержать Самуила силой. Самуил дёрнулся, и в руках Саула остался нечаянно оторванный край одежды жреца.

Смерив Саула презрительным взглядом, Самуил произнёс: «Ныне господь отторг царство израильское от тебя и отдал его ближнему твоему, лучше тебя».

Однако Самуил остыл, внял просьбам Саула и пошёл вместе с ним и его армией в Галгал. В этот день народ не узнал о происшедшем конфликте.

Когда же Самуил, Саул и победившая армия прибыли в Галгал, Верховный жрец велел привести царя Агага к жертвеннику Яхве и на глазах у собравшихся на площади израильтян собственноручно разрубил надвое пленённого царя.

Вскоре после этого события Самуил уехал в свой город Рамафаим и не пожелал больше встречаться с Саулом. Более того, Верховный жрец начал говорить вслух о том, что он ошибся, сделав Саула царём. Он утверждал, что и Яхве сожалеет об этом. Вскоре он начал подыскивать нового кандидата на престол. Однако, будучи умным и прозорливым политиком, Самуил держал это в строжайшей тайне, опасаясь, что за такую инициативу царь Саул может обвинить его перед народом в заговоре и государственной измене.

Вот тогда-то, после всех описанных событий, Самуил тайно прибыл в Вифлеем и отправился к пользовавшемуся в городе большим уважением **Иессею**, чтобы сделать смотр всем его сыновьям. Было это в 1025 году, когда **Давиду** ещё не исполнилось 17 лет. Тайной целью визита Верховного жреца был выбор нового кандидата на израильский престол.

Осмотрев шестерых старших детей Иессеи, Самуил не остановил свой выбор ни на одном из них. И тогда жрец велел привести к его очам самого младшего, Давида. С первых же минут встречи и краткой беседы Самуил убедился, что юноша умён, расторопен и обходителен. Оказалось, что он сложен поразительно пропорционально и очень силен физически. Вместе со стадами, которые он пас в хозяйстве отца, ему приходилось проходить большие расстояния по долинам, лощинам и горам и даже отбиваться от диких зверей, подстерегавших добычу и нападавших неожиданно и напористо. Давид виртуозно владел большой дубовой палкой и умел бросать увесистый камень на довольно большое расстояние. Пользовался он и пращой.

Горные восходы и закаты пленяли Давида своей красотой, и тогда душа его отзывалась стихами и песнями. У него был завораживающего тембра голос, который манил и притягивал к себе и одновременно подхватывал слушателя в высоту. Особенно торжественными, нежными и красивыми были его песни-благодарения создателю за радость жить красотой сотворённого им мира, наслаждаться восходами и закатами, переливами водяных струй, шумом ветра и грозовыми ливнями, шелестом листвы и шорохом травы, пением птиц и звуками, издаваемыми животными. Самуила поразила красота мело-

дий, простота и мудрость распеваемых юношей стихов. Оказалось, что он к тому же самостоятельно научился играть на арфе и теперь умело, ритмично и красиво аккомпанирует себе.

Самуил понял, что более достойного кандидата на царский престол ему не найти. И тогда Верховный жрец снял висевший поперёк его груди большой рог с елеем и в присутствии отца и других шестерых братьев совершил помазание Давида на царство. При этом Самуил предупредил всю мужскую часть семьи, что они присутствовали при священной тайне, которую до времени нужно к божьей радости хранить и оберегать и никому не разглашать даже под страхом смерти.

– Такова воля Яхве, – доверительно и наставительно закончил свою речь Самуил.

Верховный жрец сам выбрал семью, в кругу которой он совершил священный обряд огромной политической важности и величайшей секретности. Никто в Вифлееме не догадывался, что отныне в городе находится и живёт будущий царь Израиля.

Меж тем израильский царь Саул находился в Гиве, где на скале он построил неприступную крепость. Самуил фактически сверг его с престола и без обиняков неоднократно публично заявлял, что бог Яхве выберет другого царя.

Саул мучительно переживал своё падение. На каждом шагу ему мерещились враждебные действия и заговоры, зачинщиком которых он считал Верховного жреца Самуила. Вспоминая нанесённые ему обиды, день и ночь анализируя свои поступки и просчёты, Саул впал в меланхолию, которая сжигала его изнутри. Даже самые преданные люди царя, видя его мрачные, красные от бессонных ночей и как бы безумные глаза, стали постепенно приходить к выводу, что дух господень покинул царя Саула, и им овладела нечистая сила.

Лучшим лекарством от такой болезни в те времена считалась музыка. И вот тогда кто-то, может быть, по наущению самого Самуила, порекомендовал Саулу скромного пастуха из Вифлеема. С согласия Саула послали за Давидом и без промедления привели его в Гиву. Царь, не зная совершённого обряда помазания Давида, встретил его очень приветливо, обрадовался красивому юноше и впервые за долгие дни улыбнулся. Услышав же пение Давида под собственный аккомпанемент на арфе, Саул почувствовал, что к нему возвращается здоровье.

С тех пор при каждом приступе меланхолии Саул посылал в Вифлеем за Давидом, наслаждался его пением и игрой на арфе и ощущал врачующее душу воздействие талантливого певца и арфиста.

Тем временем над государством Израиль вновь сгустились политические тучи. Филистимляне снова пошли войной против Израиля, царя Саула, армии и всех её полководцев во главе с Авениром. У городка Сокхоф на двух противоположных холмах армии филистимлян и израильтян остановились, готовясь к бою. В разделяющей холмы долине встречались в личном единоборстве воины обеих армий, но поединки заканчивались смертью храбрецов. Ни одна из армий не имела перевеса.

И вдруг однажды с холма филистимлян в долину спустился **Голиаф** – гигант, великан, происходивший из города Гефа. Был он закован в тяжёлый панцирь и вооружён длинным копьём и громадным мечом. С презрением поглядывая на холм, где расположилась израильская армия, он вызывал на единоборство самых сильных и смелых воинов-израильтян. Но желающих сражаться с противником, явно превосходившим силой даже самых крепких богатырей, в израильской армии не находилось. И тогда Голиаф просто распоясался. Он начал выкрикивать в адрес израильтян насмешки и ругательства, поносить израильских мужчин и израильских солдат, оскорблять их обычаи и веру.

От стыда перед солдатами, обиды и невозможности найти способ заткнуть глотку варвару царь Саул и все армейские полководцы во главе с Авениром попрятались в шатрах. Сорок дней Голиаф изливал на израильтян потоки издевательств и презрительного смеха. Царь Саул задыхался в бессильной злобе. Наконец он додумался издать приказ, что смельчаку, который примет вызов Голиафа, от имени царя будет пожаловано огромное богатство, освобождение от налогов и благословение на брак со старшей царской дочерью – красавицей из красавиц.

Условия нравились всем. Многие из смельчаков мечтательно вздыхали, представляя себя богатым родственником царя, и каждому мерещилось супружеское ложе, на котором их ожидает нега и истома от сказочных ласк первой красавицы государства. Но великан внушал всем такой ужас, что, чтобы добровольно вступить в поединок с Голиафом, к царю не обратился никто.

Надо сказать, что в эту пору в израильской армии служили три старших сына Иессеи. Дома, как самый младший, оставался Давид. Он же носил в военный лагерь своим братьям еду. Однажды он пришёл в лагерь как раз в тот момент, когда разошедшийся Голиаф в очередной раз начал поносить и смешивать с грязью святыни израильтян. Этого Давид вынести не мог.

– Я приму вызов этого хама и проучу его, – запальчиво выкрикнул братьям Давид.

Братья и их товарищи, опытные воины, высмеяли Давида, разгневались на него не на шутку и велели ему немедленно вернуться домой. Но Давид стоял на своём.

Проходивший мимо шатра братьев Давида царь Саул случайно подслушал всю сцену. Дерзость и горячность Давида позабавили его. Царь велел привести Давида в свой шатёр и сказал ему: «Не можешь ты идти против этого филистимлянина, чтобы сразиться с ним, ибо ты ещё юноша, а он воин от юности своей».

Но Давид упорствовал, хвастался своей ловкостью и силой мышц и начал рассказывать, как ему приходилось сражаться с медведями и львами, нападавшими на его стадо, и убивать их.

Сила аргументов и убеждённость Давида в своей правоте покорили царя Саула, и он, наконец, принял сторону Давида. Но прежде, чем окончательно разрешить Давиду участвовать в столь непростом поединке, он велел надеть на юношу свою броню и шлем, опоясать своим мечом и повелел ходить по шатру, чтобы выяснить, сможет ли Давид передвигаться в тяжёлых доспехах. Оказалось, что в доспехах Давид чувствует себя неловко. Но как только царь собрался запретить Давиду участвовать в поединке с Голиафом, пастух заявил, что предпочитает сражаться не в доспехах, которые он никогда не носил, а в привычной для него обычной пастушеской одежде.

Наивность, горячность и убеждённость в своих силах Давида позабавили царя. Саул рассмеялся и разрешил Давиду поступать так, как он сам захочет.

Готовясь к поединку с грозным филистимлянином, Давид прихватил из дому только свой пастушеский дубовый посох и пращу. Он сделал остановку у ручья, выбрал пять увесистых острых камней и спрятал их в свою пастушескую сумку. Затем он направился в долину меж холмами навстречу Голиафу, распевая свои любимые религиозные песни.

Когда Голиаф внезапно повернулся на звонкий голос певца, он так громогласно захохотал, что содрогнулись горы. А когда он услышал воинственный вызов Давида, начал веселиться и издеваться над рыжими волосами и хрупким, по его меркам, сложением Давида.

– Ты в своём уме, рыжая гнида? – издевался Голиаф. – Что ты прёшь на меня с дубиной? Разве я собака?

Но тут же великан решил, что израильтяне делают из него посмешище, прислав ему на поединок подростка. Ругаясь и проклиная, Голиаф грозился бросить тело наглого смельчака хищным птицам и зверям.

Давид не стал с ним препираться, но с полной серьёзностью предупредил, что смех неуместен на устах того, кто должен готовиться к смерти, так как по воле бога Яхве великан вот уже сей миг умрёт.

Неожиданно смех оборвался, и на обоих холмах воцарилась напряжённая тишина. Филистимляне с нетерпением ждали, когда их непобедимый великан нанесёт этому хрупкому выскочке смертельный удар, а израильтяне с сочувствием и дрожью следили за храбрым юношей – таким наивным и самоуверенным, но обречённым умереть от рук гиганта. Держа в руках огромный меч, Голиаф готовился нанести единственный, но сокрушительный удар. Уверенный в своём подавляющем превосходстве, великан даже не следил за кошачьими движениями Давида. Меж тем пастух достал из своей сумы камень, быстро вложил его в пращу, сделал над головой пару вращательных движений и изо всех сил метнул камень в сторону Голиафа. С молниеносной быстротой камень просвистел в воздухе и вонзился в лоб саркастически улыбавшегося гиганта. Во все стороны брызнула кровь. Голиаф беспомощно зашатался и, оглушённый, ещё не понимая, что уже почти убит, беспомощно рухнул на землю. Лёгким кошачьим прыжком Давид оказался рядом с великаном, вырвал из его ослабевших рук меч и одним хлётским ударом отрубил ему голову.

То, что произошло на глазах обеих армий, вызвало невообразимую панику в лагере филистимлян и восторг справедливой победы у израильтян. Последние накинулись на врагов с такой яростью, что филистимляне в одну минуту дрогнули и обратились в бегство. Израильтяне преследовали войско филистимлян до их городов Геф и Аккарон.

Весь филистимский лагерь со множеством скота и награбленного у израильтян имущества попал в руки армии царя Саула. Давид пошёл преподнести царю в качестве трофея голову Голиафа и его оружие. Царь принял мёртвую голову ненавистного ему противника, а оружие великана передал в награду Давиду. В дальнейшем оружие Голиафа всегда красовалось у Давида на самом видном месте. А главным трофеем Давида после выигранного единоборства стала военная слава и популярность героя среди израильского народа.

С первой же встречи Давид приглянулся и **Ионафану** – сыну царя Саула, наследнику престола. Храбрость, отвага, недюжинная сила, достоинство и скромность – лучшие украшения мужчины. Ионафану тоже захотелось сделать что-то приятное победителю. И он подарил Давиду свою тунику, плащ, пояс и меч.

Когда награждённый покинул пределы дворца, Ионафан сказал отцу, что такому сильному и умному человеку, как Давид, нужно не стадо пасти.

– Моя бы власть, я бы привлёк его к военной службе, – сказал Ионафан. – И поставил бы командиром целого отряда...

Поразмыслив, Саул так и поступил. В истории Израиля Давид стал самым молодым военачальником.

ЮРИЙ СИДОРОВ

ДТП

Машина завизжала тормозами и не доехала до Петракова сантиметров сорок, не больше. Вадиму Сергеевичу даже шага не нужно было делать: его кулак со всей злостью опустился на капот «мерса». С матом-перематом с водительского места выскочил здоровяк в сдвинутой на затылок камуфляжной бейсболке.

– Ты что, сука, творишь? – кулак водилы замелькал перед носом Петракова. – Чё на красный прешься? Мне из-за тебя, уroda, на нары садиться? Я на такое не подписывался!

Вадим Сергеевич стоял как вкопанный. Руки его, занятые двумя пакетами из «Пятёрочки», мелко дрожали, а рот не открывался, будто его плоскогубцами сдавили. И правда: зачем он пошагал на красный? Ведь трамвай далеко был, сто раз успеть можно. Не привык к этому светофору, его с месяц только как поставили. Да и машин не было видно. Суббота, всего-то полдевятого. Народ в кроватях нежится после рабочей недели. Тем более и утро тоскливое, осеннее. Зябко, дождь того гляди опять зарядит.

– Вот на это посмотри! – здоровяк рукой ухватил Петракова за шею и пригнул его голову почти вплотную к капоту «мерса». – Твоя

Сидоров Юрий Владимирович родился в 1963 году. Имеет естественнонаучное (окончил физический факультет МГУ) и юридическое образование. Окончил курсы писательского мастерства Образовательного центра Музея «Гараж» у Леонида Костюкова. Автор вышедших в издательстве «У Никитских ворот» романов «Своя не своя жизнь», «Пробуждение», «Портрет», повести «Вторая попытка», рассказов.

работа, сучара! Видишь вмятину? Я тебя разорю за нее! Будешь знать как кулачком своим чужую машину трогать!

– Андрей, давай с перекрёстка съезжай и припаркуйся у обочины, – из опустившегося стекла заднего сиденья раздался негромкий, но умеющий повелевать мужской голос. – Там и разберёшься с ним.

– Алексей Николаевич, да нет же никого. Один вон только трамвай. У нас ДТП, нельзя машину с места. Этот урод кулаком ударил! Гаишников вызывать надо.

– Андрей, припаркуйся! Я же сказал. И разберётесь там. Гаишники мне здесь не нужны, только их не хватало.

– Давай шагай назад на тротуар, – водила отпустил шею Петракова и толкнул в направлении обочины. – Только бежать не вздумай, в два счёта догоню и от души навалюю.

Вадим Сергеевич безропотно двинулся назад к тому самому злополучному светофору. Оцепенение спало, пальцы обрели способность двигаться и вновь стали ощущать тяжесть пакетов с продуктами на неделю, закупленными по списку жены.

В голове Вадима Сергеевича засел голос мужчины с заднего сиденья. Где-то Петраков такой слышал, и не раз. Вот только никакого Алексея Николаевича, как назвал его водитель, Вадим Сергеевич не знал. А голос не выходил из головы. Что-то с ним было связано, но вот что?

«Мерс» полудугой покинул перекрёсток и припарковался метрах в десяти, поближе к подъезду стоявшей на углу блочной башни-девятиэтажки. Петраков опустил на ещё зеленую траву ноябрьского газона свои пакеты и устался на заднюю дверцу машины, откуда вылезал мужчина в элегантном чёрном пальто и бросавшемся в глаза ярком галстуке.

– Вы только посмотрите, Алексей Николаевич, – забегал вокруг пассажира Андрей, – вот она, вмятина. Видите? Да я его на счётчик поставлю, душу вытрясу, пока не заплатит!

– Подойдите сюда, – Алексей Николаевич повелительно указал рукой Петракову.

«Кто, кто он? – мучительно напрягал память Вадим Сергеевич, медленно проходя те несколько метров, что отделяли его от машины. – На кого-то ведь похож. А голос, голос... Где я его слышал?»

Петраков подошёл почти вплотную и поднял на мужчину глаза.

– Знаешь, в какую копеечку тебе встанет, урод? – не унимался во-дила, хватая Вадима Сергеевича за рукав. – Я тебе лично прејскурант выпишу. Будь спок, как в аптеке будет!

– Подожди, Андрей, – Алексей Николаевич отвёл в сторону руку водителя и принялся пристально разглядывать лицо Петракова.

Минуту-вторую пассажир «мерса» молчал, но губы его беззвучно двигались. Затем Алексей Николаевич втянул в себя воздух и с присвистом выдохнул:

– Петраков? Вадим? Сколько ж мы не виделись... С девяностых, поди...

Вадим Сергеевич с напряжением вглядывался в лицо пассажира, пытаясь вырвать воспоминание о нём из объятий времени, но ничего не получалось. Голос до боли знакомый, но вот чей?

– Не узнал, – с разочарованием констатировал Алексей Николаевич. – Неужто я так постарел? Мы ж с тобой в одной комнате сидели. Горлов я.

В голове Вадима Сергеевича что-то оборвалось, и вихрем понесли картинки прошлого. Загадочное исчезновение Горлова из института во время его, Петракова, отпуска... Сам НИИ... У института было длинное название, но его в разговорах обычно не произносили. В советские времена из-за оборонной тематики, которая была основной. В начале девяностых её фактически не осталось, а вот привычка называть заведение просто НИИ оказалась пережившей всё.

Лёшка Горлов появился в их отделе году в девяносто втором. Полноправным сотрудником он не числился, учился в аспирантуре, а у них на установке должен был делать диссертацию. В отделе из молодёжи один Петраков, хотя и тому к моменту появления Горлова было под тридцатник. Разница в возрасте лет шесть, не меньше. Но за неимением других Лёшка сразу привязался к Вадиму. Петракову же льстило, что в отделе появился человек, смотрящий на него снизу вверх. Не то что остальные, для которых он был мальчиком «на подхвате». Из-за этого Вадим старался при первой возможности выскользнуть из большой общей комнаты, занимаемой отделом, и отправлялся бродить по институту. В конце восьмидесятых, когда Петраков попал в НИИ по распределению, прежних строгостей, о которых вспоминали старожилы, не было. Можно было в рабочее время по этажам слоняться. В стране перестройка, у них в оборонке конверсия. Правда, последняя в НИИ получалась какой-то односторонней: «закрытые»

работы свернули, и весьма быстро, а для «гражданки» толком ничего делать и не начали. Осталась лишь небольшая тематика, которой занимались раньше, но и та постепенно сошла на нет.

Бесцельные хождения Вадима по НИИ принесли результат, на который он и не рассчитывал. Петраков нашёл себе в вычислительном центре жену. Это ещё до появления Горлова было.

Лёшкин научный энтузиазм быстро сник. Установка, которую он начал собирать, пылилась в полуготовом состоянии в углу, куда её сдвинули, чтоб проходу не мешала. Начальник отдела, бывший по совместительству научным руководителем Горлова, на понедельничных планёрках регулярно задавал вопрос: «Как ваши дела?» Горлов мычал что-то в ответ, и начальник кивал головой. Впрочем, такой же вопрос задавался и всем другим сотрудникам. Те, кто постарше, старательно рассказывали о своих работах пятилетней давности. Может, они, выкинутые жизнью из привычного ритма, и правда верили, что всё когда-нибудь ещё наладится? Вадим, когда до него доходила очередь, отвечал специально заготовленной фразой: «Работаю в соответствии с планом». На том всё и успокаивалось.

Денег хронически не хватало. Заказов хоздоговорных не стало вовсе, одна голая ставка. Жена пилила Петракова каждый день: «Когда бабки будут? Смотри, сосед шмотки баулами из Турции возит. А ты?»

Мотаться за барахлом куда-нибудь в Стамбул, а потом торчать в Лужниках или на Птичке, дуя на коченеющие от холода пальцы, Вадиму страсть как не хотелось. Горлов, кстати, один раз попробовал: съездил в Турцию, привёз несколько тюков с «кожей». Только с реализацией проблема возникла: у других берут, а у него «ни шиша», хоть разбейся. Какому-то оптовику со скидкой уступил, еле-еле саму поездку купил.

Как-то вскоре Горлов подошёл к Петракову, поевавшему батон хлеба на лабораторном столе. Столовку в НИИ закрыли в самом начале девяносто второго, а пообедать в соседнее кафе Петраков и Горлов ходили через день, а то и через два. В промежутках покупали по батону хлеба на день и съедали в несколько приёмов, запивая чаем из пакетиков. Пакетики, кстати, тоже не выкидывали, а старались использовать повторно.

– Вадик, у тебя же «жигулёнок» есть, – с места в карьер начал тогда Горлов. – Не думал, что на нём можно продукцию по заказам развозить?

«Шестёрка» у Петракова действительно имелась. Точнее, она была родительская, но отец отдал её в полное распоряжение Вадиму, доверенность оформил. Время от времени Петраков приезжал на ней в НИИ. В такие дни он постоянно курсировал к окну и назад, а стол его в отделе ютился недалеко от двери, и поглядывал, на месте ли «жигулёнок», не свинтил ли кто зеркало или ещё что.

Продукция, которую предложил развезить Лёшка, оказалась не чем иным, как сувенирами, изготовлявшимися из кристаллов в расположенном неподалёку, в паре кварталов, другом НИИ. Там работал бывший однокурсник Горлова.

Петраков поколебался немного и согласился: время голодное, а тут ещё Надя замучила своим долбежом, что у других мужья как мужья, исхитряются хоть какие-то деньги зарабатывать, а он, Вадик, ни на что не способен.

По распорядку, формально не отменённому и на удивление соблюдавшемуся, сотрудники НИИ отмечались на работе дважды: в 9 утра и в 6 вечера. В остальное время делай что хочешь. Петраков стал ежедневно приезжать на машине, в багажнике которой лежали несколько коробок с сувенирами. Горлов запрыгивал на переднее сиденье, и они отправлялись по всяким рынкам и базарчикам в разных районах Москвы, пытаясь мелким оптом сбыть продавцам товар. Дело шло плоховато: у народа денег с гулькин нос, а тут сувениры, от которых ни тепло ни холодно. Их, как говорится, на хлеб вместо масла не намажешь.

По выходным пытались квартиры обходить. Выбирали наугад улицу, тыкая с закрытыми глазами пальцем в новую карту Москвы, купленную в книжном на Новом Арбате, и ехали туда. Больше чем в половине квартир просто не открывали дверь, часто проблемой было вообще попасть в подъезд. Хорошо, что тогда в спальнях районах частенько обходились без кодовых замков, а то дело было бы совсем безнадежным.

В квартирах, где хозяйева открывали дверь, тоже результата не наблюдалось. Повертят в руках сувенирчик, пощёлкают языком, как красиво грани светом играют, и возвращают назад. Мол, спасибо, конечно, но не требуется в хозяйстве.

Однажды произошёл случай, о котором сейчас вспомнил Петраков, глядя на солидную фигуру Горлова. В какой-то из квартир, кажется, недалеко от «Сходненской», вслед за хозяином на лестничную

площадку вышел здоровенный рыжий кот с сердитой мордой. Пока Лёшка пытался «впарить» хозяину товар, Вадим решил погладить усатого. Но тот неодобрительно воспринял намерение Петракова и расцарапал ему руку.

– Вот видите, что ваш котяра делает! – пошёл в наступление на хозяина Горлов. – Мой товарищ, можно сказать, производственную травму получил! Мы же на работе, прямо по поручению организации-производителя ходим. Так что будем делать?

В результате раскрасневшийся хозяин кота купил целых три сувенира и вдобавок обработал царапину перекисью водорода.

– Ты чего улыбаешься? – голос Горлова оторвал Петракова от нахлынувших воспоминаний.

«Сказать, не сказать? – заколебался Вадим Сергеевич. – Он, поди, и не помнит». И всё-таки решил напомнить про кота.

– Точно! – громко рассмеялся Алексей Николаевич. – Я и забыл уже, а сейчас словно вживую увидел. Знаешь что? У меня минут сорок в запасе есть. Тут рядом ресторанчик неплохой имеется. Давай заедем, по рюмочке «чая» пропустим за встречу.

Горлов достал из кармана смартфон, то и дело возвещавший о своём существовании писком мессенджеров.

– Смотри-ка, у меня одна встреча перенеслась. Так что у нас даже полтора часа будет. Посидим, повспоминаем.

Теперь дал о себе знать петраковский аппарат. Звонила жена, спрашивала, всё ли купил.

– Что, не отпускает тебя Надя ни на минуту? – кивнул Горлов на смартфон Петракова. – Привет ей передавай.

– Да нету никакой Нади, – вздохнул Вадим Сергеевич, попутно отметив про себя, что Алексей до сих пор помнит её имя, – мы ещё в девяностые разошлись. У меня вторая жена и дочка Лёля. Замужем, отдельно от нас живут. Правда, внуков пока нет.

– И у меня внуков нет. Рановато ещё. Два сына, оба студенты, в Англии учатся. Ладно, давай садись в машину. В ресторанчик смотаемся, – Горлов потянул Петракова за рукав.

– Нет, в другой раз. Меня жена дома ждет... И вообще, куча дел сегодня, – не очень уверенно произнёс Вадим Сергеевич.

– Жаль, – протянул Горлов. – Сколько же мы не виделись? С четверть века точно. Страшно подумать, в этом веке уже девятнадцатый год заканчивается. Ладно, давай хотя бы присядем на чуток в машине.

Петраков заметил, как зябко притаптывает Горлов своими туфлями на тонкой подошве. «Спросить, не спросить? Почему он тогда резко пропал? Не сказал ничего, не зашёл. Но сейчас-то мне что с того?» – колебался Вадим Сергеевич.

– На чуток можно, – Петраков негромко кашлянул в кулак. – Только давай я пакеты поближе переставлю, а то упрут пацаны какие-нибудь.

– Андрей, закинь в багажник пакеты Вадима... Как тебя по отчеству? – провёл пальцем по переносице Горлов.

– Сергеевич... Они же мокрые снизу и грязные от газона, – возразил Петраков, – всё там у тебя запачкают. Пусть на улице постоят. Горлов неопределённо махнул рукой и спросил:

– А ты чего не на машине? На что «шестёрку» свою поменял? Как мы с тобой на ней с сувенирами лихо по Москве раскатывали!

– Да ни на что не поменял, – вздохнул Вадим Сергеевич, аккуратно усаживаясь рядом с Горловым на заднем сиденье. – Мы её продали аккуратно перед дефолтом. Лёлька тогда совсем маленькая была, а с деньгами негусто. Только зря всё. Положили деньги в два банка. Один полностью накрылся, а во втором деньги обесценились. Помнишь, как тогда доллар скакнул?

– А у меня наоборот, – ответил Алексей Николаевич. – Я в дефолт ничего не потерял, даже выиграл в сумме. Сразу все доходы в доллары переводил, по большей части наликком. Я тогда и поднялся. До олигарха, как видишь, не дотянул, но кое-что имеется. Вот собираюсь контрольный пакет купить одной фабрики. Легпром, спрос всегда есть и будет. У меня там сейчас сорок процентов есть, но надо больше пятидесяти. А в планах все сто.

– Получается, как Ключарёв и Алимушкин, – тихо и с грустью произнёс Петраков.

– Что-что? – не понял Горлов. – Это ты о ком?

– Рассказ есть такой. Маканин написал. Не читал?

– Нет, – покачал головой Горлов. – Не до рассказов мне. Дел выше крыши. Вон, слышишь? То в ватсапе кто-то строчит, то в телеге. А о чём рассказ?

– Да так, о жизни, одним словом. О том, что если кому-то везёт, то другому не везёт.

– Это всегда так. Ладно, гляну как-нибудь в Википедии про этот рассказ. Я ведь понимаю, о чём ты. Получается, что Лёшка Горлов, который за тобой в НИИ бегал да приборы носил, в люди выбился,

на «мерсе» ездит, акции скупает. Если б я тогда аспирантуру не бросил, то и не было б ничего... А иной раз, не поверишь, жалко чего-то становится. Думаешь, а ведь наукой мог заниматься. Надежды, говорят, подавал. Я, когда мимо нашего НИИ проезжаю, потом полдня хандрой страдаю.

– Нету ни отдела, ни НИИ. Года через два после тебя новое руководство просто сдало всё в аренду разным фирмочкам. Потом перерегистрировали под новым названием и до сих пор арендой занимаются. Я оттуда давно ушёл. И вспоминать не хочется... Лёша, я домой пойду, а то моя Нина совсем заждалась. Ты прости, что вмятину тебе поставил. Я заплачу. Сколько это стоит? Если много, то в рассрочку смогу.

– Да брось ты, Вадим! Нисколько не стоит. Андрей сегодня съездит в сервис, там всё сделают. Я сам на твоём месте, может, ещё сильнее вырезал бы. Ты вот что – возьми визитку. Фабрика моей станет, буду менеджмент перетряхивать, могу тебя взять.

Петраков, зажав визитку в левой ладони, куда её втиснул Горлов, выбрался из машины. «А всё-таки? Почему он тогда так сразу ушёл? Когда я в отпуск уходил – не сказал ничего. Я вернулся, а его нет в НИИ. И не зашёл потом ни разу. Может, спросить сейчас?» – Вадим Сергеевич обернулся к ещё не уехавшей машине.

– Забыл что-нибудь? – Горлов опустил стекло.

«Да зачем мне это? В жизни что-то поменяется, если узнаю? И потом: хотел бы – сам сказал», – решил Петраков.

Он нарочито старательно похлопал себя по карману куртки:

– Думал, что ключи у тебя на сиденье выронил. Ан нет! Вот они, на месте.

– Ну, бывай, – Горлов поднял стекло.

«Мерс», плавно набирая ход, скрылся из вида.

Вадим Сергеевич подхватил пакеты и, стараясь держать их подальше, чтобы не запачкаться, пошёл домой. Подходя к своему подъезду, Петраков вспомнил про визитку и хотел было выкинуть её в урну. Но руки его были заняты пакетами. Дома Вадим Сергеевич, встреченный возгласами жены, тут же забыл о визитке, а сама она приткнулась на дне кармана между какими-то старыми чеками и слежавшимися бумажными салфетками из «Крошки Картошки».

АНАТОЛИЙ СУСЛОВ

Оглушающий удар

Ещё цвели кругом сады. Ароматы цветения, расплескиваясь на километры, возносились в небо вместе с угасающими лучами вечернего солнца. В казённой комнате студенческой общаги мединститута форточки были наглухо задраены, оставшись так и не распаханутыми после зимних холодов. Свет, едва живой в накатывающих волнами сумерках, окончательно запутывался в тяжело обвисших от пыли, давно не стиранных полотняных шторах. Его выручал свет настольной лампы, разгоравшийся всё сильнее по мере угасания уличного собрата. В полумрак комнаты сквозь ярко освещённую щель под дверью змеились из соседней кухни густо растекавшиеся по коридору дурмящие запахи жареной картошки и бараньего жира. Из коридора же врывался привычный хаос общежитейских звуков: кто-то бежал, гулко топая, кто-то яростно взывал из дальних комнат, кто-то радостно напевал, кто-то ядовито хохотал.

Мало-помалу оживающий свет настольной лампы, стоявшей на стуле перед кроватью, всё ярче набегал на распаханутые страницы толстого, как Библия, учебника, над которым, позёвывая в полудреме, склонился чернобровый юноша. Его грузный нос, казалось,

Суслов Анатолий Петрович. Родился в Германии в семье военно-служащих-медиков. Окончил Второй московский медицинский институт им. Н.И. Пирогова. Профессор-иммунолог, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией в НИЦ ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи. Автор четырёх поэтических книг — «Отражение», «Иное», «Симфония чуда», «Азбука души».

вот-вот перетянет сонную голову и рухнет прямо в развал разпахнутых страниц.

Внезапно, отчаянно вскрикнув, хлопнула комнатная дверь. На мгновение неоново-резким коридорным светом озарился весь её проём. В нём мелькнула высокая и тощая, как карандаш, тень. В комнату влетел бледнолицый длинноволосый юноша с перекошенным от восторга лицом.

– Слушай, что *я те-бе ска-жу, Лё-ха!* – раздался душевзбудораживающий вопль.

Лёха, вязко тупеющий над учебником, от неожиданности круто вскинул сонную голову. Над крупным носом выпучились, обалдело заметались его глаза, жёстко выдранные из сладко обволакивающей, нежно слепляющей веки дрёмы.

– Ты чего, Иван, чокнулся! Орёшь, как будто тебе наследство обрезади! – остервенился окончательно проснувшийся студент. – Не видишь, я к зачёту готовлюсь!

– Какой зачёт! Лёха, глянь кругом, *ве-сна бу-шу-ет!* – всё тем же горячечным речитативом продолжил влетевший. – Всё в цвету! Ароматы безумные! Иду я по улице, а они меня влекут, тянут, как будто клеится кто-то ко мне. И вдруг – стоп! Смотрю – *че-рё-му-ха!* – молитвенно вознеся взор ввысь, пропел Иван. – Я на неё смотрю, а она на меня. Вот это всё цветущее облако – *ё-моё, на ме-ня гля-дит!* Глядит так нежно, по-доброму, как мать родная. Я на неё смотрю, а она на меня, и вся светится, как влюблённая! – повторил Иван. – Вот и я стою, оглушённый. Вдруг понимаю, что впервые не заметил, не просто обратил внимание, а *у-ви-дел!* Подошёл поближе, нырнул в ароматы белого цветения. Взял ветку в руки, посмотрел на цветы, а они, веришь, не белые, они *про-зрач-ные!* Вот открытие! Свет запутывается, отражается в цветах, и они *ка-жу-т-ся* белыми! Подумать только, я *ви-жу* белый свет, который мы просто не замечаем! Вот так! Увидел черёмуху во цвету и во свету и... *влю-бил-ся* в неё! В мой новый мир, который я открыл, увидел! Вот так! – Иван тут и вовсе сорвался на крик: – Навсегда, навеки вечные *влю-бил-ся!* *В че-рё-му-ху!*

Всю эту пламенную речь Ивана, соседа по комнате, Лёха выслушал с недобрый недоумением. Он и раньше подозревал, что с Иваном что-то не то. Сторонится, себе на уме. С учебниками не видел ни разу, как он занимается? Как он вообще с курса на курс переходит? Тут сидишь, учишь, учишь, в голове – дыра, все знания куда-то мимо

просыпаются, не задерживаясь. А он, вот, на тебе – увидел! И что? Идиот! Дерево!

– Слушай, Иван! Я тебя выслушал, теперь ты слушай меня! Пошёл ты к своей черёмухе и с нею подальше! – и Леха бессловесно, но очень выразительно выругался. – Не видал твою че-рё-му-ху и видеть не хочу. Мне завтра сдавать зачёт по пат-ана-то-мии! – вторя Ивану, дробя слова на слоги, с презрительной усмешкой процедил он.

– Но послушай, Лёха, ведь и в «Войне и мире» Андрей Волконский вот так же, как я, увидел, открыл для себя дуб, и это дважды поменяло его жизнь.

– Ещё раз тебе сказал: заткнись и проваливай!

Алексей демонстративно захлопнул ладонями уши и воткнул свой увесистый нос в толстенный, как Талмуд, учебник.

Иван вскипел, но тут же подумал: «Нужно держать себя в руках!» Ведь образ черёмухи всё ещё живо стоял в его глазах, охватывая своим сиянием тусклую общежитийскую комнату с тремя койками, дремавшими в полумраке по углам. Ивану казалось, что несёт он в груди искрящийся каплями родник, переполняющий всё его существо вот этим нерасплескаемым, но разливающимся во всю округу, животворящим светом. Ему вновь остро захотелось поделиться своим открытием – черёмуховым сиянием! – хоть с кем-нибудь. «Пёс с ним, с Лёхой, пойду к человекам потолковее!» – решил Иван. И направился к своим однокурсникам – второй курс второго 1965-го года Второго Меда экспериментального набора медико-биологов – в комнату № 206. В ту самую, которую по аллюзии с рассказом коллеги их, Антон Палыча, именовали «Палатой № 6».

В «Палате № 6» было тесновато. Четверо сидели за столом, а пятый почему-то раскорячился в углу у кровати в позе собаки. Пятый, он же – Вадим Захарчук, был прикован цепью к кровати, на шею его громоздился ошейник, размером точь-в-точь как на московскую сторожевую. Он поскуливал и порой, вознося взор в потолок, мучительно завывал. Глаза его были полны такой бездонной печали, какая случается только у бездомных, сильно истощённых бродячей жизнью дворняг. Вадим был, конечно, странный малый, но с чего вдруг приковал себя цепью, скулит, воет? Перезанимался? Протест против избытка наук? Тирании разномастной информации? Ужас перед грядущей сессией? Весеннее обострение? Депрессия? Проигрался в карты?

Четверо однокурсников играли в карты, а именно, в покер. На столе горкой резвились разноцветные медиаторы для гитары. Они вбрасывались в центр стола в качестве фишек делающего ставку. Перед каждым из игроков громоздилась своя кучка своего цвета: красные, жёлтые, синие, фиолетовые. Такса: одна фишка – один рубль. Игроки испытующе, слегка насмешливо поглядывали то на свои карты, то друг на друга. В целом атмосфера чувствовалась дразняще-весёлая, бодряще-заводная.

Во главе стола восседал раздающий – Александр Сурин, по прозвищу «Граф». Розовощёкий, круглолицый, в пенсне с прищуром сыщика и улыбочкой искушённого развратника. Склонившись, слегка горбатясь над столом, он исподлобья хитро поглядывал на окружающих. Перед ним рядом с кучкой фишек вальяжно возлежал брегет – старинные карманные часы с приоткрытой стеклянной крышкой.

– Привет, Иван, – небрежно бросил Граф, слегка приподняв левую бровь. – Что это с тобой? Сияешь, как луна в полнолуние. Глаза ошалелые. Ты не из разлюбезной ли постельки, батенька?! Ну-ка признавайся, кого обрадовал?

– Да ну тебя, – смутился Иван. – Какая постель! Дерево! Я такую черёмуху встретил во цвету! Увидел её – ну как невесту! Познал насквозь! Меня как током ударило в тысячу вольт! Вся в белом, сияет чистым-пречистым светом! Представьте себе свет, развешенный, как гирлянда, по всем-всем цветкам! Да так, что у меня до сих пор внутри всё сияет!

– Дерево? Черёмуха? – с устыжающим сарказмом спросил Граф. – Ну, брат, ты даёшь! Я, конечно, знаю, что у нас на втором наборе МБФа сплошь ненормальные. Можно даже слегка свихнуться от бездны наук, но не с ума же сойти, как ты.

– Дерево... Черёмуха... – язвительно повторил Граф и по-барски пренебрежительно продолжил: – Чушь какая-то! Впрочем, ты, кажется, стихи, пишешь. Словом, поэт. А поэты, если не в официальном фраке, сплошь и рядом либо сумасшедшие, которых надо в дурдом, либо слюнявые идиоты – кандидаты в дом престарелых. – Тут Граф выверенно шикарным жестом метнул с десяток фиолетовых фишек в центр стола и возгласил «Инста бет!», давая знать, что далее действует без размышлений.

– А что ты, Иван, имел в виду – черёмуха... дерево?... – с невинно-задумчивым видом спросил Глеб Ионин, игрок с нежной внешне-

стью девочки-подростка. Этим своим коронным вопросом, совокупно со взором, устремлённым в бесконечность, Глеб обыкновенно выводил из себя преподавателей. На прямой вопрос экзаменатора, например, как формулируется второй закон термодинамики, он, устремив взор свой горе, вопрошал: «А что вы имеете в виду?» Передача была гарантирована. Вот и сейчас, вопрошая Ивана, он вознёс свой взор в беспредельную высь, как всегда, не ожидая ответа, но не забывая при этом поглядывать на карты в руках соперников.

– Я имею в виду, что, поверишь ли, Глеб, влюбился в эту черёмуху. Это был сокрушающий удар, как у Александра Грина – удар одновременно в голову и сердце!

– Да это что за сокрушающий удар?! – усомнившись, басом загудел Вовка Босягин. Босягин – особый тип российского мужика из архангельских широт, бородатый, кустобровый, с чёрной лохматой гривой, шествующий, выпятив вперёд необъятную волосатую грудь, равнозначно зимой в мороз и летом в жару в своей бессменной фланелевой ковбойке. Ещё был знаменит тем, что на занятиях по генетике неоднократно вставал и, услаждая всех своим басом, вещал, как пророк: «Вот женюсь на Аньке! – при этом указывал лопатой-ладонью на однокурсницу. – Родим десяток босягинцев! Будет чистокровное племя моё – племя воинов!»

– Так вот, у меня-то был давеча удар так удар, – продолжал гудеть Босягин. – Действительно сокрушающий! Иду позавчера по дорожке вдоль нашего общежития, слышу возня где-то там, наверху. Глянул, а с девятого этажа стол выбросили. Я замер. Стол тот в двух шагах впереди от меня грохнулся! И в щепки! Вот это сокрушающий удар! Чудом в живых остался! А то черёмуха... берёза... Какой там удар – чушь поросычья! – Босягин оглушительно хлопнул своей лопатой малую кучку красных фишек, лежащую перед ним. – Прикуп! – Прогремел его бас так, что все вздрогнули.

Тут не в масть Босягину внезапно бросил своё слово вечно молчащий Фёдор Завенков. – Пагода! – Этот смоленский парень со свирепым рабоче-крестьянским лицом на занятиях обычно нахмуренно молчал, но порой вдруг вбрасывал в аудиторию, на первый взгляд, слово, не имеющее никакой связи с предметом. Потом оказывалось, что не только имело, но и попадало в самую суть.

– И правда, пагода! – с робкой надеждой на понимание ожил, за светился Иван, погребённый было во мраке, как он чувствовал, хулы

и хамства по отношению к его волшебному состоянию со стороны подтрунивающих картёжников.

– Это же что-то святое, поймите же, что-то святое снизошло на меня! – воскликнул он.

– Да ты, батенька, постой возноситься. Присядь, остынь немного, – с ласковой усмешкой процедил Граф. – Вот у нас портвешок крымский есть. Знатный. Только начали бутыль. Давай налью тебе стакан, хряпнешь, и вот он тебе – сокрушающий удар! Засияешь, как лампочка Ильича! Да и вообще, садись-ка ты с нами играть!

Растерзанный этими, как ему казалось, с нарочитой издёвкой сказанными словами, которые насильовали его душу, низвергали её с сияющих высот, Иван произнёс твёрдое «Нет!», развернулся резко и вышел из «Палаты №6», сопровождаемый тоскующим взором и тиранящим округу воем Вадьки Захарчука.

Сияние в груди запаганилось, как дыхание перегаром, ядовитым цинизмом Графа. Но всё же, шагая по коридору, Иван вновь собрал растрёпанные было осколки чистого света. Он чувствовал, что то, что случилось у него с черёмухой – настоящее, неизбывное. Можно, конечно, на время тот волшебный свет затуманить, задурманить, даже запаганить, но лишь на время. Как птица Феникс, он вновь и вновь оживает в своём целостном сиянье. Так чувствовал Иван, распахивая дверь в свою комнату.

В комнате ярко светила потолочная люминесцентная лампа. Настольная же лампа Лёхи всё ещё стояла на стуле у кровати, а её хозяин куда-то рассосался. Посреди комнаты над столом склонился другой сосед Ивана, нигериец Эдвард Океке. На столе громоздился его необъятный кожаный чемодан с распахнутой навзничь крышкой. В чемодане виднелись аккуратно раскладываемые товары, мало знакомые рядовому советскому гражданину: баночки с чёрной икрой, консервы камчатского краба, бутылка виски, баночки пепси-колы и растворимого кофе, английский чай, разноцветные упаковки жвачек. Рядом на столе громоздилась стопка импортной одежды – женские блузки и кофточки, мужские нейлоновые рубашки, цветастые носки.

– Далеко собрался, Эдик? – спросил Иван, с удивлением глядя на странный набор предметов в чемодане.

– Да-да, далеко, – неожиданно суетливым голосом ответил Эдвард. Обычный же голос его ровен и взвешен. Океке, студент шесто-

го курса лечфака, являлся руководителем коммунистической ячейки всех нигерийцев-студентов. Часто в этой тесной общежитейской комнате набивалась туча возбуждённых товарищей-соплеменников, яростно жестикулирующих, обсуждающих события идущей в Нигерии войны. Эдвард молча выслушивал всех до единого, затем тихим спокойным голосом внушительно говорил несколько фраз на языке йорубу. Все многозначительно замолкали и задумчиво расходились. Только Эдвард, терявший на войне своих друзей и близких, потом стонал всю ночь и плакал.

Зато теперь Океке было не узнать. Где его высокоумный вид? Ни дать ни взять – мальчишка. Вид у Эдварда был озабоченный, но и радостно возбуждённый, как перед свиданием. Весь его облик африканского интеллектуала, словно вырезанный из шоколадно-чёрного эбенового дерева, с высокими залысинами и широко распахнутыми ноздрями, светился, как у школьника, получившего долгожданную пятёрку. В руках у Эдварда была распахнута жизнерадостно цветущая павлопосадская шаль. Он недоумённо крутил её, явно не зная, как с ней поступить – складывать, отложить в сторону?

– Как ты думаешь, можно это дарить бабочке? – спросил он Ивана.

– Бабочке? Шаль? Может, бабушке?

– Да-да, бабушке – произнёс Эдвард с чудным ударением на второй слог.

– Дарить шаль бабушке? Ты куда собрался, Эдвард? В Сибирь?

– Да-да, в Сибирь. Буду, как это говорится, благословлять, – важно произнёс Эдвард, и из глаз его на Ивана снизошло счастливое сияние. – К родителям Светланы еду. В деревню. Далеко. В Сибирь. Руку просить.

– Не руку просить, а руки. Не благословлять, а просить благословления, – поправил Иван. – Это что же, та самая Светлана, которая позавчера к нам заходила?

– Да-да, та самая! *Свет-ла-на!* – подтвердил Эдвард, с трепетной расстановкой произнося несвычное для африканца имя.

– И когда же ты со Светланой сговорился? Давно ли ты её знаешь? – спросил Иван, вспоминая бледнолицую блондинку с ладной фигуркой, которая, стыдливо краснея, знакомилась с ним, протягивая хрупкую, почти прозрачную ладонь. Вчера ещё раз увидел её, вдвоём с Эдвардом, напряженно беседующими в тёмном полумраке холла, что напротив их комнаты. Вот когда они сговорились?!

– Знакомы две недели. Вчера говорила мне, не страшно, поеду в Нигерию, стану твоей женой.

– Ну ты даёшь, Эдик. Да может, она проходимка какая?

– Нет, она педагог. Английский язык. Говорили по-английски. Я в Лондоне чуть-чуть учился. Она педагогический кончала. Мы хорошо говорили, понимались. Полюбились. Затем еду в эту, как сказать, *Ниж-ню-ю За-мо-ро-зов-ку*, – нараспев произнёс Эдвард. – Тюменская область. К родителям. Просить, как ты говорил, руки.

Иван живо представил себе Эдварда Океке, просящего руки у родителей Светланы в глухой сибирской Заморозовке, да ещё Нижней. Они такого эбенового точно не видывали. Разве что в страшном сне.

– Так как же ты её полюбил? Всего две недели, и всё уже порешали?

– Я её полюбил сразу, когда увидел. Она тоже так сказала: и я сразу. Мы, как Ромео и Джульетта, с первого взгляда. Это было, *как молния*, у нас такие в Африке молнии – на полнеба, такой *дерево-ба-обаб с тысячью ветвей*, только *вниз головой*, – задумчиво, с какой-то затаённой внутренней сладкой болью произнёс Эдвард.

«Сразу видно: Шекспира знает, недаром в Лондоне учился. Родня у них богатая, деньги соберут: иди учишься то в Лондон, то в Москву!» – подумал Иван. А вслух сказал:

– Давай клади шаль в чемодан. Красивая. Сгодится бабушке в деревне. Вообще-то, очень рад за вас. Надо же! Африканская молния! *Дерево*, да ещё *вниз головой*! Только чтоб у вас счастливый конец был, не так, как у Ромео с Джульеттой. Как у нас говорят – многие лета! Полвека вместе, умереть в один день!

И тут же вспомнил свою черёмуху. Она такая нежная, светящаяся, бережно влекущая! А тут молния! Да ещё африканская! Страсть и ужас! Но и у него, Ивана, тоже удар. Пусть не молния, но удар оглушающий, в голову и в сердце одновременно! Любовь и нежность!

Ночь Иван спал, как тяжёлый больной, в мучительном бреде. То в сон втыкалась тоскливо-воющая голова Вадьки Захарчука, то Граф оскорбительно-важно цедил сквозь зубы невразумительные слова, то Вовка Босягин, расчёсывая пятернёй клочковатую шевелюру, покручивая усы, утробно гудел: «Чушь!.. Дрянь!.. Дерьмо поросячье!..», то вдруг являлся счастливый Эдвард Океке со Светланой в ошеломительно сияющей фате. И тогда над ними царила она – Черёмуха, казалось, заливая всю предыдущую галиматью и сумятицу снов нежно-мерцающим, пронзительно чистым светом. То вдруг все гал-

люцинации скопом обрушивались в провал, в чёрную бездну мрака, и только сосущее чувство одиночества, как лунатик, шагало, пронзая собой весь этот бесконечный тягостно-расхристанный сон.

Вдруг включился какой-то внутренний будильник. Иван с минуту ошалело-сонными глазами обозревал опустевшую комнату, потом подскочил, как будто не постель была под ним, а раскалённая плита. «Боже мой! Я совсем забыл, что сегодня зачёт, нужно быть вовремя!»

Он глянул на часы. Времени было ровно столько, чтобы в минуту одеться, умыться и мчаться бегом. И, уже выбегая из общежития, Иван вдруг ощутил острое чувство голода. Со вчерашнего утра не держал во рту ничего съестного. Полдня на занятиях, полдня весь в черёмухе, всё не до еды. Запыхавшийся Иван встал, пусть в короткую, быструю, но всё же очередь у «Пончиковой», громоздившейся во внушительного вида киоске прямо у перехода через Ярославское шоссе к станции метро «ВДНХ». Иван с тоской глядел на стоявших перед ним в очереди сограждан с такими же, как у него, невыспавшимися лицами. Он от нетерпения переминался с ноги на ногу, словно от нестерпимого желания облегчиться в туалете. Наконец схватил кулёк с пышущими жаром, густо обсыпанными сахарной пудрой, с золотистой аппетитной корочкой пончиками. Он сунул их в сумку, думая пожевать в метро, а одно кольцо, всё ещё яростно дышащее ароматом и огнём фритюрного масла, белыми пятнами обильно посыпающее одежду сахарной пылью, схватил в зубы, как легавая дичь. Глянул на часы. Бежать, бежать, бежать!..

Светофор было ждать совсем не вмоготу. Пользуясь тем, что на Ярославке с обеих сторон образовались прогалены в череде автомашин, Иван опрометью бросился на другую сторону дороги. Ровно посредине трассы на него обрушился оглушающий удар. В глазах наступила бездонная ночь, мрак с сияющими вспышками звёзд. Пончик далеко вылетел изо рта. Иван вlepился всем своим телом в другое, мчащееся навстречу, казалось, стопудовое тело. Наверное, так могли бы столкнуться два скорых поезда, летящие навстречу друг другу по одно и той же колее. Столкновение длилось всего лишь мгновение. Но этот миг показался бездонным, собравшим в одну точку весь мир, всю вселенную, всю бесконечность времени.

Но вот Иван распахнул глаза. Перед ним стоит девушка, вовсе не стопудовая, а вполне себе изящная и симпатичная. В её глазах являлись одно за другим все те же чувства, что только что испытал Иван.

Шок, тьма, искры-звёзды. Наконец, её голубые глаза широко распахнуты, сияют детским изумлением. Потом, словно занавес опускается. Хоть и ошеломлённая, девушка быстро пришла в себя. Взор тускнеет. В лице её, как и в лице Ивана, всполошилось одинаковое выражение: «Ужас! Как я опаздываю!» Ещё раз взглянули друг на друга и, пожертвовав бездной оглушающего удара, приглашающего их в какую-то новую, необозримо сияющую судьбу, они, ради вколотенной в душу и сердце насущной необходимости, помчались в противоположные стороны, чтобы никогда больше не встретиться, по крайней мере, в этой жизни. Может быть, где-то там, в ином мире, в иной судьбе, на незабвенной основе оглушающего удара они ещё встретятся?..

И вот Иван безраздельно слился с ритмично раскачивающейся вязкой толпой, туго вливающейся в настезь распахнутые двери станции метро. Он думал то о вселенной, то о сиянии, то о грядущем зачёте, а то и вовсе ни о чём. В какой-то момент угнездился в уютном уголке в конце вагона, открыл сумку, вытащил ещё тёплый пончик, и вдруг в него совсем неожиданно, одно за другим, вошли три изумления, три оглушающих удара, которые он испытал всего за какие-то полчаса: удар сиянием черёмухи, удар сияющим молнией счастья Эдвардом и, наконец, пронзительный удар, нанесённый запоминающимся навек, по-детски распахнутым настезь взглядом неведомой девушки. И тут же в душе его родилось, зароилось странное новое чувство – окрыляющая радость. Он теперь всё сможет! Вот доест пончики, сдаст зачёты, экзамены и напишет стихи, в которых будут жить вечно эти и новые оглушающие удары, эти и новые изумления и всё то, что он благодаря им полюбил и ещё полюбит!..

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Маргарита Азарова.....	7
Андрей Иванов.....	9
Вилен Иванов.....	13
Анатолий Коротков.....	16
Алексей Монастырюк.....	20
Василий Мурзин.....	23
Роберт Нижегородцев.....	25
Идалия Шевцова-Урсатий.....	29

Проза

Алиса Бескровная.....	33
Сергей Бусахин.....	46
Александр Махнёв.....	62
Владимир Миркин.....	70
Василий Поляков.....	73
Юрий Сидоров.....	84
Анатолий Суслов.....	92